

Автор этой книги Е. Селиванова — юрист, член Союза журналистов СССР. Ее судебные очерки неоднократно публиковались в газетах «Известия», «Советская Россия», «Челябинский рабочий», в журнале «Советская юстиция».

В очерках и коротких зарисовках, публикуемых в настоящей книге, нет остросюжетных хитросплетений, присущих детективам. Написанные на конкретных материалах, они носят строго документальный характер. К оценке того или иного факта автор подходит с точки зрения его общественной значимости, с позиций нашей этики и морали.

Содержание очерков имеет социальное звучание, дает повод для размышлений. Вместе с тем, читатель убедится, какая большая роль принадлежит общественности в предотвращении правонарушений, в воспитании личности в духе уважения к советскому законодательству.

© Южно-Уральское книжное издательство, 1977.

ЕХАЛ СОЛДАТ ДОМОЙ

Тяжело шоферу на дорогах Тянь-Шаня. Непросто взять подъем или преодолеть крутой спуск. Но не это волновало солдата. Если б генерал узнал о прошлом своего шофера, то, наверное, ездить с ним не стал. Родителям и особенно брату Борису Николай строго-настрого наказал никому не давать его адрес. Уж очень дорого ему было доверие человека, прошедшего фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина, доверие крупного военачальника — одним словом, их генерала.

Дорожил он и службой в рядах Советской Армии. Помнил все время, как не хотели призывать его в армию. Райвоенком прямо сказал:

— Служба — почетная обязанность, а ты имеешь судимость... Ну и что — условное наказание?..

Дело дошло до областного военкомата. Трижды сам Николай приходил — не помогло. Многие просили за него. Даже бабушка, старая учительница, пошла к военкому. О чем говорила она — никто не скажет. Может быть, рассказала, каким невозможным был один из ее учеников, сколько перетерпела она от него, а теперь вот живет на улице, носящей имя этого Жени, героически погибшего на фронте. Наверное, рассказала, что в ее квартире рядом с портретом погибшего сына висит портрет этого ученика в летной форме. Он погиб 17 января 1943 года, а фотокарточку прислал своей учительнице незадолго до гибели. Она всегда повторяла, что за человека надо бороться, так как дорожке человека нет ничего.

Вот и внук Коля запутался, заврался. Родителям говорил, что пошел ночевать к бабушке, а сам — кражи совершал. Но ведь это от мальчишеской несерьезности, у него есть и хорошие задатки.

...Звонили телефоны на столе военкома, в приемной ждали люди. Какой-то молодой лейтенант проворчал: «Ходят тут всякие старушечки, мешают работать. Сидели бы дома. Из-за такой вот бабули автомашинка простаивает».

Спокойно ждал своей очереди немолодой капитан. У него тоже было важное дело, но он считал, что если облвоенком долго и внимательно слушает — значит, дело говорит эта женщина. Капитан подумал: «Спешим, торопимся — всем некогда. А ведь человека тоже выслушать надо — пусть он откроет душу. Не каждый день кричат о помощи. Вот и бабушка, может, ночь не спала, чтобы решиться отнять время у такого занятого человека, а тут говорят — машина ждет, простаивает... Ничего, пусть подождет машина!»

...С тех пор прошло два года. За пять минут до отхода поезда демобилизованный солдат увидел идущего по перрону генерала. По привычке вытянулся в струнку: «Разрешите обратиться, товарищ генерал! Я что-нибудь забыл сделать?»

— Все нормально, Николай, просто пришел проститься с тобой. Спасибо сказать за верную службу, за старание, за то, что всегда ты был на высоте... А что, у брата твоего, Бориса, тоже испытательный срок?

— Так вы о нас все знали?

— Знал. Только ждал, когда ты сам мне расскажешь про свой «остров сокровищ».

— Стыдно было, товарищ генерал... И боялся, что откажетесь вы от меня.

— Ну, боялся напрасно, а вот что стыдно — это уже хорошо! Очень прошу — не осрами нашу часть. И брат твой пусть в нашу часть просится...

Поезд тронулся. Застучали колеса. Николай вскочил на подножку предпоследнего вагона. Успел крикнуть:

— Спасибо!

...Стучат колеса: «ку-да-ты, ку-да-ты...» Едет солдат домой на Урал, где его ждут родители, бабушка и Борька, с которым когда-то они выдумали в подвале, соседнего дома открыть «остров сокровищ». Чего только потом не нашла милиция на этом «острове»!.. Были там и краденые велосипеды, и старые ружья, даже порох был. Попади нечаянно спичка — и взлетел бы дом на воздух. Теперь-то ему, взрослому человеку, все ясно, а несколько лет назад, когда «ветер гулял в голове», все казалось просто интересным. Не думали, что могли и сами погибнуть. Спокойненько сидели на ящике с порохом, покуривали потихонечку, обдумывая, где бы украсть хорошее ружье и отправиться на охоту.

На этом же ящике, при свете карманного фонаря Колька заполнял дневник:

«Операция № 1. Началась в 9.00. Изъяли порох и гильзы у отца. Операция прошла благополучно. Все изъятое хранится на «острове сокровищ»... Операция № 3. Начало в 2.30. Не удалась. Погнался мужик. Еле смылись».

Дневник хранится в качестве вещественного доказательства в уголовном деле...

Началось его падение совсем по-глупому, даже стыдно вспомнить. Но... слова из песни не выбросишь. Училась вето классе девчонка, красивая и гордая. После занятий спешила в музыкальную школу, потом на уроки фигурного катания, и не оставалось у нее времени даже взглянуть по-доброму на Кольку. Чего только он ни делал, чтобы обратить ее внимание! Как-то во время контрольной даже отрезал у нее косу. Страдать так страдать! Пусть выгонят его из школы, но она узнает: из-за нее все.

Но Галка никому не сказала о его поступке, а сделала модную стрижку и стала еще красивее. И Николай решился на последний шаг. Он наврет на себя, его посадят в тюрьму. Будет суд. Он в последнем слове гордо скажет: «Каждый должен получить по заслугам. Я прошу строго наказать меня и не прошу снисхождения».

Решено — сделано. Узнав, что на стройке рядом с домом кто-то поранил сторожа, он закрылся в своей комнате и, делая вид, что готовит уроки, сочинил письмо:

«Товарищ прокурор! На стройке выключил свет я и порезал сторожа тоже я. Прошу оформить явку с

повинной. Вы, наверное, думаете, что я выгораживаю Юрку, а я думаю так: каждый должен получить по заслугам».

Написал он и второе письмо — Гале. Пришлось переписывать дважды: до того было жалко себя, не мог удержать слез. Особенно его разжалобили слова:

«Да, недолго осталось мне гулять на свободе. Ведь когда ты уходишь — закатывается для меня солнце».

Не вышло «пострадать» — разобрались, установили, что оговорил себя. Только Николай уж не остановился, «острову сокровищ» требовалось пополнение — и он украл велосипед...

Он многое понял тогда, на суде. Но больше всего задуматься заставила борьба за его дальнейшую судьбу, которую вели незнакомые раньше люди: следователь, судья, адвокат, сотрудники милиции. Наказание ему дали условно, и он сделал все, чтобы не подвести тех, кто поверил в него.

...Ну что за характер у этой Галочки?! После суда стала еще презрительней смотреть на него. И от этого взгляда просыпался он в холодном поту даже тогда, когда был солдатом. Борис писал, что учится теперь она в консерватории. Будет скрипачкой. Фотографию Николая брать отказалась, но долго-долго смотрела на нее и сказала Борису: «Красивый стал твой брат. Военная форма ему очень идет».

Это письмо, зачитанное чуть не до дыр, до сих пор в кармане солдатской гимнастерки. Втайне хранит он желание показаться Галине в форме со всеми значками. Может, увидит его бравым солдатом и сыграет для него на скрипке вальс Штрауса. Польется мелодия для него, Николая.

ОДНА НА КАЧЕЛЯХ

«Здравствуй, мама! Твое письмо получила. Больше писем в таком духе не пиши. Отвечать не буду. Я веду себя хорошо: не балуюсь. Мою руки перед едой. Когда перехожу улицу, смотрю налево, потом направо. Не играю со спичками. Не пью холодной воды. Марина».

Это письмо мать передала судьям. Когда его читали, подсудимая, уставившись в потолок, усмехалась. Мол, стоило эту галиматью везти из Краснодара на Урал? Да и кто поймет, что вложила она, Марина, в эти строки? Надо было читать между строк, а не то, что написано черным по белому.

Марина перевела взгляд на мать. Зло сверкнули суженные глазки.

...Дочки-матери. И когда вы научитесь читать письма друг к другу, понимать взгляд и даже молчание? Ведь ближе вас двоих нет на свете людей. Близкие когда-то, далекие теперь. Когда вы стали чужими? Когда ошиблись? Может, тогда...

Марину из Краснодара отправили пожить у тети в далекое уральское село после того, как разошлись родители, пусть девочка придет в себя после пережитого. Все поначалу шло неплохо. Только вдруг по селу пополз слухок: ночевала в доме парня, с которым учится в одном классе...

Подружка, потупив глаза, сказала:

— Марина! Мама не разрешает мне дружить с тобой. Ей учительница по химии сказала: «Лучше бы ваша дочь держалась подальше от этой новенькой... Мало, что она хорошо учится. Про нее тут говорят всякое. А раз говорят — зря не скажут».

— Что же вы ответили подружке? — спросил подсудимую один из народных заседателей.

— Я ей сказала: «Дуры и ты, и твоя мама, и химичка тоже!» И сразу же, не заходя в дом тетки, села на первый проходящий автобус и уехала в город на вокзал. Решила вернуться в Краснодар к матери.

— А почему не зашли попрощаться к тете, ведь вы прожили у нее больше двух месяцев? — поинтересовался заседатель.

— Вот еще! Чего с ней прощаться, если она на меня руку подняла. Да зачем вам все знать? Вы судите меня, что я украли транзисторный приемник и девчонку порезала. Виновной себя признаю... Что вам еще от меня надо?..

Марина замолчала. Длинной показалась ей эта минута. Кто знает, о чем она думала? Может, о том дне, когда отец, оставляя семью и уезжая на Север, пообещал привезти белого медведя. Не игрушку, а настоящего... Может, о том, как, получив письмо, мать приняла какие-то таблетки и, крепко прижав дочь, стала несвязно говорить:

— Мне плохо. Если я умру, не вздумай поехать к отцу! Он нехороший человек. Он бросил нас. Лучше иди в детский дом или к любой из бабушек, только не к нему.

— Отец не хуже тебя! Из-за того, что будет платить алименты, он машину купить не сможет.

— Доченька, я умираю!

Марина опомнилась, когда мать упала на пол. Вскоре прибыла машина «Скорой помощи».

Мать долго лежала в больнице. Ее навещали соседи и сослуживцы, даже свекровь приехала из другого города.

— Горюшко ты мое, горе! — ласково обращалась она к внучке. — Не раз говорила я отцу и матери, что если жизнь не идет — лучше разойтись, не мучить друг друга и дитё не калечить...

— Ну ладно тебе, бабушка, распричиталась. Папка тоже хорош! При мне мать ругал, и перед отъездом сказал: «Не слушай ее!»

— Да ты кушай, кушай! На вот тебе куриную ножку! Похудела-то как! Осунулась... Поди, и учиться-то стала хуже?

— Научись с ними! Как они мне, бабуся, надоели, эти родители...

Мысли подсудимой прервал судья:

— Так почему же вы решили вернуться к матери, если перестали уважать ее?

— А куда мне было деться? Я обиделась на всех. И на тетку: нашлась воспитательница, кроме кулаков ничего не признает. Выдеру, говорит, тебя как сидорову козу. На все село кричит: «Я тебе покажу, как письма блатные получать!» Разве я виновата, что в письме мальчишки написали: «Мы тебя под землей найдем! Тебе осталось жить немного!» Если бы тетка хорошей была, задумалась бы, как меня от этих хулиганов защитить, а не бить... Вот и приехала я на вокзал, а денег на билет нет... Зима. Холодно... Хотела на вокзале погреться, да там дустом пахнет. Я этот запах не переношу. Решила пойти по квартирам с тетрадкой, будто выясню, нет ли там первоклассников, а если хозяева отвернутся или в другую комнату уйдут, то украду денег на билет в Краснодар. В квартире, где живет потерпевшая девочка, я взяла транзисторный приемник. А когда она меня укусила, схватилась за ножик. Перед отходом поезда меня задержали...

Едва подсудимая закончила говорить, как подняла руку потерпевшая девочка:

— Я ее укусила потому, что она мне руки веревкой хотела связать.

Работники милиции, задержав Марину на вокзале, обнаружили у нее два письма. Написанные разными почерками, они начинались одинаково:

«Здравствуй, Мурка!»

В одном письме угрожали:

«Не забудь про левую руку! Если ответа от тебя не дождусь, то будет то, что я обещал. Дормидон приедет после 2 февраля, только не знает, как найти тебя, девочку-паиньку, как до тебя добраться».

— Что вы скажете в последнем слове? — спросил Марину судья после того, как выступили прокурор и адвокат.

Она бы сказала о многом. Несколько ночей не спала, думая, о чем просить суд в последнем слове. Даже половину ученической тетрадки исписала. Соседка по камере советовала начать так: «Я прошу прощения у потерпевшей и у своих родителей».

Такое начало Марине не понравилось. Ни она у родителей, а они у нее пусть просят прощения за то, что сделали ее такой. Может, назло им, дорогим родителям, она и пошла в компанию Дормидона, закурила там первую папиросу и выпила первую рюмку вина, а потом до утра бродила по городу. Мать была аккуратной и любила в доме порядок. Как ей хотелось вывести родительницу из себя и добиться, чтобы та ее оскорбила. Тогда бы нашелся повод уехать к отцу на Север. Подальше от дома и от этой компании мальчишек. Пугать надумали, левую руку обожгли, добиваясь клятвы, что никому не расскажет об их делишках. Вспомнила, как они смеялись, когда сказала, что хочет стать следователем. А кто ее теперь примет в юридический институт, если есть судимость?

— Да скажи ты ей, чтобы попросила судей не лишать свободы! — крикнула мать отцу, приехавшему на процесс. Отец сидел недалеко от матери на другой скамейке у окна.

— Пусть получает то, что заслужила! — ответил он.

Эти слова услышали судьи, и Марина тоже. Вот тогда-то она и сказала свое последнее слово:

— Что заслужила, то и получить должна — папа прав.

Марину приговорили к четырем годам лишения свободы.

Отец в тот же день уехал на Север. На свидание к дочери пришла мать.

Ничего не сказала ей Марина: ни здравствуй, ни прощай. Сидела молча, опустив глаза. Только когда конвоир объявил, что свидание окончено, мать увидела, как вздрагивают плечи девочки.

— Я обжалую приговор! А ты поплачь, поплачь — легче станет, — услышала Марина голос матери.

Попросив адвоката написать кассационную жалобу и выступить в областном суде, мать вылетела из Челябинска в Краснодарский край, к месту работы.

Отец... Он еще на суде пожал плечами: «Плачу алименты и немаленькие. Плачу аккуратно. А что там произошло у вас — разбирайтесь сами. Я тут при чем?»

...Признаюсь, дело Марины ошеломило меня. Ей четырнадцать лет! С одной стороны, одаренная девчонка, с другой — разбойница, связывающая руки восьмилетней девочке. Не верилось, что школьнице-отличнице могут писать: «Здравствуй, Мурка». Как будто она на качелях, то вверх взлетает, то вниз... А вдруг оборвутся качели?

Если областной суд оставит приговор без изменений, кто знает, как сложится ее дальнейшая судьба? А если приговор будет изменен и определено условное осуждение, куда она денется? К тетке в село не вернется — даже от свидания с ней отказалась. Отец вряд ли возьмет к себе: «Пусть получает то, что заслужила».

Осталась мать, но между ней и дочерью стена отчуждения. Как разрушить эту стену?

С этими мыслями я шла выступать по делу Марины. Очень волновалась, как будто она была не подзащитной моей, а дочерью, попавшей в беду. Мне от души хотелось подать ей руку помощи, сделать для нее все, что в моих силах.

Но как?

Нас пятеро. Судьи, прокурор и я. Прошу суд отложить дело и вызвать мать осужденной. Прокурор возражает, ссылаясь на то, что в народном суде есть ее показания и суд учел все: и возраст, и тяжесть преступления, назначив наказание ниже низшего предела, предусмотренного Уголовным Кодексом РСФСР.

Судьи, посоветовавшись, отложили дело на несколько дней, чтобы вызвать мать. Об этом телеграфно и авиаписьмом я сообщила ей в Краснодар. Просила приехать в областной суд — на тот случай, если дочери будет определено условное наказание, кто-то должен увезти ее домой.

...Рано утром, в тот день, когда было назначено вторичное рассмотрение дела в областном суде, у меня на квартире раздался звонок.

— Говорит мама Марины. Я из аэропорта... Приехала по вашему вызову.

И вместо того, чтобы толково рассказать, как проехать в суд, я, рискуя разбудить семью, кричу в трубку:

— Здравствуйте, мама!

...Через три дня Марина, держа мать под руку, подошла к зданию суда. Поднялась на второй этаж и несколько раз заглянула в зал, чтобы посмотреть на судей, которые, изменив приговор, освободили ее из-под стражи. Зайти так и не решилась. Боялась помешать. Ведь там, в зале, решалась еще чья-то судьба...

Они уехали вместе, мать и дочь. Впереди была нелегкая дорога, и прежде всего — друг к другу.

ИСК НЕ ПО АДРЕСУ

— Согласны ли вы на развод? — спросил ее судья.

Что ответить? Скажи она: «Нет» — и у суда были бы все основания для отказа в иске. Все-таки прожито более тридцати лет. Уже дочь давно замужем. Даже внук есть.

А недавно женился сын Виктор, студент третьего курса института. Была пышная свадьба в лучшем кафе Челябинска. Были дорогие подарки, цветы и прочее, что в последнее время стало привычным делать за счет родителей.

Виктор на свадьбе куражился:

— Пейте, дорогие гости! Не жалейте коньяк! Папочка выдержит. Ученый муж, главный специалист НИИ, зарплата пятьсот рэ.

— Перестань, Виктор! — тихо одернула мать. — Неприлично и нескромно.

— Не перестану! От нескромности в наш век не умирают!

— Говори, сынок, говори! Сегодня твой день и все цветы для тебя! — поднял бокал шампанского отец.

И снова гости закричали: «Горько!» Поднялась невеста — раздурманенная, веселая. Мать Виктора ничего не имела против нее. Девушка учится на четвертом курсе того же института. Настораживало лишь то, что в дом, кроме будущей снохи, приходила какая-то Вера, отношения с которой у сына зашли далеко. Вот и просила мать:

— Повремени, Виктор, разберись в своих чувствах. Не на месяц — на всю жизнь выбирают супругу.

— До чего же ты, мама, старомодная! Так уж на всю жизнь... Не понравится — разойдемся.

— Пусть делает, что хочет! Ему скоро двадцать. Он мужчина, а не мальчишка! — сказал отец.

...Так было всегда. Все ее доводы каждый раз разбивались о «железобетон житейской мудрости» главы семейства. Она вспомнила, как лет десять назад, во время отпуска, поехали семьей на морскую прогулку на катере. За бортом — хрусталь волны и белокрылые чайки. Дочка стояла очарованная, а сын вздохнул: «Могли бы чучел много наделать, не забудь папочка ружье!»

— Что ты, Витя?! — даже испугалась мать. — Чайки показывают рыбакам, где рыба. Да ты посмотри, какие они красивые! Разве тебе не жаль их на чучела?

— А что жалеть? — равнодушно пожал плечами Виктор.

— Правильно, Витюха! — вмешался в разговор отец. — Не слушай ты этих женщин. Вечно они со своими нравочениями... Пойдем-ка лучше в буфет, попьем соки-воды!

И они пошли в обнимку, похожие друг на друга.

Тогда она всему этому не придавала особого значения. Устал муж за год. Уходил рано — приходил поздно. Цену усталости она, учительница, хорошо знала. Двадцать четыре года в одной школе, почти все время — в две смены. И после уроков работы хватает. Тетради проверить надо, с учеником поговорить, классное и родительское собрание провести...

А может, не придавала значения еще и потому, что боялась чем-то расстроить мужа. Малейшее раздражение в то время могло вызвать у него приступ бронхиальной астмы. Когда-то прочитала она у Константина Паустовского, что

«бронхиальная астма — безжалостная болезнь, заставляющая человека дышать в четверть дыхания, говорить в четверть голоса, ходить в четверть шага, думать в четверть мысли и только задыхаться в полную силу без четвертей».

Не восемнадцать дней, а восемнадцать лет боролись они вместе с этим недугом. Тогда он не подавал иска о разводе, а лишь глазами спрашивал, выдержит ли она все испытания, не оставит ли его в беде. Он такой больной, а она — интересная женщина. Редкий пройдет — не оглянется.

Она-то выдержала. Может, не только перед его желанием быть здоровым, но и перед ее верностью и любовью отступила болезнь.

А потом все пошло вверх дном. И началось буквально на второй день после свадьбы сына, когда Виктор за ужином при родителях сказал:

— Не знаю, буду ли я жить с ней...

У мамы выпала из рук вилка. Папа опустил глаза, сделал вид, что не слышал. А невестка, пожав

плечиками, изрекла:

— Поглядим, что из тебя будет, каков муж получится...

Отец все реже и реже приходил к ужину, а уходил из дома, когда молодые еще спали. Мать взяла дополнительные уроки, хотя могла работать в одну смену. Теперь ей не хотелось идти домой, в свою квартиру, где еще недавно был дорог каждый гвоздик. Да и знала она, что мужа нет дома. Однажды, возвращаясь из школы со стопкой тетрадей, увидела, как из машины вышла молодая женщина точно в такой же дошке, какую подарил ей муж, и, поправив меховую шапочку, кокетливо помахала ручкой. Женщина хотела что-то сказать, но не успела, так как дверь автомашины резко захлопнулась и знакомый голос приказал шоферу: «Быстрее!»

Как-то, уходя на работу, муж между прочим сказал:

— Хочу пожить для себя!

Похолодевшими пальцами взяла она копию искового заявления о разводе, где было написано:

«Семейные неурядицы и ссоры привели к отчуждению. Я не хочу больше жить на пороховой бочке».

Рядом лежала повестка в суд.

— А как же я? — выбежал за отцом на лестничную клетку сын.

— Не волнуйся! До окончания института ты будешь получать от меня по сто рублей в месяц. Сад и половину всего имущества тоже отдам тебе. Доволен?

— Порядок! — прищелкнул пальцами Виктор и побежал делиться радостью с женой. Потом молодые вышли к матери и сын спросил напрямик:

— Думаешь ли ты, мамаша, прописать мою законную жену и выделить нам половину жилплощади? Если нет, то я подам заявление в милицию, что ты заставляла меня убить отца на почве ревности...

— Ты отдаешь отчет в том, что говоришь? — ответила мать, еще не зная, глупая ли это шутка или Виктор спрашивает всерьез.

— У меня свидетель — твоя законная сноха.

Мать, не помня себя, закричала:

— Вы не посмеете!

— Я подтверждаю все, что напишет мой муж! — спокойно сказала «законная сноха».

...Когда следователь написал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, он разъяснил женщине, что она может привлечь к уголовной ответственности за ложный донос и ложные показания и сына и сноху. Мать наотрез отказалась, ибо нет матери, которая не простила бы своих детей. Мало того, она стала просить следвателя, чтобы он не сообщал в институт, где учится Виктор, об этом грязном доносе.

Но вернемся в зал судебного заседания. Судья спрашивает постаревшую и осунувшуюся женщину:

— Согласны ли вы на развод?

Она и сама не знала, что ответить, не могла понять, что случилось с ее семьей? Когда она ошиблась?

— Что ты молчишь? Скажи «да» — и делу конец, — раздраженно подсказал муж.

— Делу-то, может быть, и конец, если жена захочет расторгнуть брак... А вот как быть с сыном? Кто исправит его?

Это сказал судья перед тем, как суду удалиться на совещание для вынесения решения.

...Истец нетерпеливо ерзал на стуле, беспокойно поглядывая на дверь, за которой совещается суд. Не собираются ли судьи сообщить обо всем в парторганизацию НИИ? Ведь спросил же народный заседатель, знают ли там о случившемся? А собственно, что произошло? Сын уже взрослый — сам за себя ответит. Теперь надо будет разделить квартиру. С Виктором ему тоже жить не хотелось. Где-то в глубине души понимал: если сегодня он пришел в суд, чтобы дать показания против матери, то как только отец перестанет выплачивать по сто рублей в месяц, пойдет на такую же подлость и против него, отца.

ОТЦОВСКИЙ ПОДАРОК

Жил Володька, как все мальчишки. Играл в футбол, ходил в кино, читал книжки про войну и втайне мечтал стать моряком.

Только отцу мог он открыть свой секрет. Разве мать поймет? Начнет ворчать: «У всех дети, как дети, а этот что-нибудь да придумает... Море ему надо!» Нет, тут нужен мужской совет, настоящий разговор. Но отца нет. После фронта не вернулся домой, уехал во Львов.

Очень тосковал сын об отце, а тот платил алименты, иногда присылал поздравительные телеграммы. Однажды, оказавшись в Челябинске, побывал у Володьки и подарил ему немецкий пистолет, привезенный с фронта.

— Не забывай, сынок, береги отцовский подарок.

О подарке на второй день узнали все соседские мальчишки. Один из них, Юровин, попросил показать пистолет своему приятелю.

— Выдумал тоже! — возразил Володька.

— Так он же взрослый, заслуженный человек! Он настоящий капитан! У него два ордена, а медалей сколько, если бы ты видел! Он не важничает, как все взрослые, а дает закурить. Меня даже в ресторан водил. Пирожным угощал. Денег у капитана — куры не клюют. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

Володьке очень хотелось познакомиться с таким человеком, но он стеснялся. Капитан же, узнав о

пистолете, сам предложил дружбу, назвав Володьку «настоящим парнем». Так мальчишку еще никто не называл. «Лучше бы, конечно, если бы отец услышал, что такой заслуженный человек считает меня «настоящим парнем», — подумал он. Правда, есть выход — можно отцу написать об этом. И целый вечер подросток сочинял письмо, то и дело заглядывая в орфографический словарь.

Отправить письмо не удалось, так как отец забыл, видно, оставить адрес. Это возмутило парнишку:

— Ну ладно, сменял нас с тобой на какую-то Фыру Ивановну рыжую! Но адрес-то мог оставить?! — в сердцах говорил он матери.

— Да ты, сынок, не огорчайся! Завтра запросим адресный стол и узнаем адрес.

— Так когда он получит?

— Недели через две, — прикинула мать.

...Однажды летом, когда Володя, лежа в кровати, перечитывал Жюль Верна, в дом ввалились соседские ребята — целая ватага.

— Через час отправляется поезд на Дальний Восток. Раздумывать некогда. Хочешь поступить в морское училище, собирайся! Только на всякий случай возьми пистолет и аккордеон! — скомандовал Юровин.

Володька растерялся.

— Пошли, ребята! — сказал кто-то из компании. — Это же маменькин сынок! Разве он поедет? Его же мамочка не пустит!

Все захохотали и направились к двери. Кровь бросилась Володьке в лицо. Это он-то маменькин сынок?! Да его сам капитан назвал «настоящим парнем»! Нет, он еще докажет всем, какой он в самом деле смелый и решительный, и смеяться над собой не позволит.

Володька положил пистолет в карман, достал со шкафа аккордеон, разбил копилку и, набив мелочью полные карманы, побежал догонять ребят. На вопрос, сколько стоит билет на Дальний Восток, они только рассмеялись.

— На что нам такая роскошь? Залезем в товарняк — доберемся не спеша, — сказал Юровин.

В товарный поезд вскочили почти на ходу. Пока Володька старался поудобней улечься на уголь, кто-то из ребят успел выкрасть в другом вагоне пять меховых телогреек.

Мелькали озера, реки, перелески. Когда поезд остановился на небольшой станции, неожиданно раздался голос:

— Эй, кто там, слезайте!

Все притихли.

— Ваши документы! — обратился милиционер.

Юровин огрызнулся:

— Паспортов мы еще не получили.

— А ну, слезай! Все, все слезайте! Ишь, путешественники беспаспортные. Телогреечки захватите с собой! Как инкубаторные, у всех одинаковые.

— А они не наши. Здесь они лежали, в вагоне, — соврал старший из парней.

— Там разберемся, кто их вам под бочок положил...

По пути в отделение милиции один из ребят выстрелом из пистолета ранил милиционера...

Три дня скрывались подростки в лесу, а потом решили добираться пешком до Челябинска. Шли по путям. На разъезде их задержали, а Юровину и Володьке снова удалось убежать в лес. Спали ночью в шалаше, прижавшись друг к другу. Вот тогда и рассказал Володьке Юровин под большим секретом, что капитан вовсе не капитан и никакой он не заслуженный, что ордена и медали у него краденые, что с ним не один грабеж совершили ребята. И еще Юровин сказал, что есть такая статья в уголовном кодексе, когда все, кто состоит в банде, отвечают друг за друга.

— Вот ты и я были с бандитами, спали на краденной телогрейке, ранили милиционера, бежали от милиции. Мы с тобой тоже бандитами стали. И куда теперь не деться. Нам с тобой, как и капитану, грозит расстрел, — объяснил дружок.

Володьке хотелось кричать, что он не такой, что он не бандит. Но кричать было бесполезно. Здесь, в лесу, его мог услышать только Юровин.

* * *

Через несколько дней, в дождливую, ветреную ночь, усталый, голодный и оборванный постучал Володька в окно родного дома. Мать, не спросив кто, сразу открыла дверь.

Пока горели в печи его лохмотья и грелась вода для мытья, он жадно ел гречневую кашу. Всю ночь сидела у кровати сына мать. Он рассказал все — как бежал, как на станции был продан аккордеон и, наконец, то, что узнал в лесу о Юровине и «капитане».

— Завтра эти бандиты придут за мной. Я теперь у них в руках. Что делать, мама? Что делать?

— Спи! Завтра решим. Я пойду пистолет в реку брошу, пока темно. Додумался подарочек такой мальчишке преподнести!

Утром в окно постучали. Сквозь сон Володька слышал, как мать громко говорила кому-то, что сына нет дома, что его на «скорой помощи» увезли в больницу, а в какую, она сама еще не знает.

Пока Володька спал в квартире, закрытой на замок, мать впервые в жизни стояла на толкучке, продавая все, что можно было унести из дома в двух чемоданах — пальто, часы, платья. Лихорадочно работал мозг. Только бы успеть, только бы «дружки» не встретились с сыном. К вечеру она пришла домой. В кармане были билет и двести рублей.

— Вставай, сынок, скоро отходит поезд. Поедешь к отцу во Львов. В адресном столе узнаешь адрес. Вот, я записала все об отце — где и когда родился, место рождения. Пусть он тебя в морское училище устроит или к кому-нибудь из родни пошлет. А я отсюда тоже уеду. Ты мне писем не пиши. Перехватят письмо — и узнают, где ты, — тихо говорила мать, хотя в комнате, кроме них, никого не было.

* * *

...Отец встретил сына неприветливо:

— Откуда адрес узнал?

Дождавшись, наконец, ухода мачехи, Володька, сбиваясь, рассказал отцу о беде.

— Зачем ты матери сказал о пистолете? Дурак! Отца родного продал! Знаешь, что меня из-за тебя, щенка, посадить могут?

Лицо отца перекошилось в злобе.

— Если тебя арестуют и спросят, скажешь, что пистолет нашел. Понял?

Да, сын понял. Понял, что мог простить отцу многое, но только не трусость. Может быть, в ту минуту умерла в нем слепая любовь к родителю. Может быть, в тот день решил сын, что обязательно сменит отцовскую фамилию.

— Какая противная у тебя фамилия! — сказал он утром. — В учебнике зоологии сказано, что пасюк — это вид какой-то крысы.

— Лучше носить крысиную фамилию, — злобно ответил отец, — чем связаться с бандитами.

Володьке, как тогда в лесу, захотелось крикнуть, что он не бандит, бандитом не был и не будет никогда. Но разве этот чужой человек мог понять его? Нет! Володьке могла поверить только мать. Всю ночь он не сомкнул глаз. Было ясно: оставаться в доме отца нельзя. «Пойду я лучше учеником на завод. Общежитие дадут!» — решил парень.

— Буди своего лобогрыса! — услышал бы Володька голос мачехи, если бы не ушел ранним утром из отцовского дома навсегда, оставив на столе записку:

«Прощай, отец! За беспокойство извини. Из первой полочки вышлю тебе все расходы на меня за ту неделю, что жил у вас. Только учти, что никогда не буду тем, кем ты назвал меня. А сыном меня не считай. За пистолет не бойся! Я не подлец, чтобы выдать того, кто когда-то был мне отцом».

— Баба с возу, кобыле легче! — сказал жене отец, прочитав записку.

* * *

Без отрыва от производства окончил Володя девятый и десятый классы. Потом служил в военно-морском флоте. Заочно учился в институте.

На корабле его любили. Никто не мог так хорошо играть на аккордеоне, никто не мог состязаться с ним за шахматной доской. Многим казалось, что все ему дается легко, что он прямо-таки звезды с неба хватает. Удивляло одно — ему никто не писал писем.

— У тебя нет родных? — спросил как-то Владимира командир. По тому, как помрачнело лицо парня, как сжались кулаки, командир понял, что у него на сердце горе.

Несколько дней ходил Володя темнее тучи, а потом сам пришел к командиру и обо всем, что было на душе, рассказал.

— А теперь сообщите обо мне прокурору. Если вы этого не сделаете, вам грозит судебная ответственность. Есть такая статья в уголовном кодексе.

— Брось, друг, дело тут не в статье. Дело в том, что невозможно всю жизнь носить на сердце такой груз. А потом мать? Почему ты о ней не подумал?

— Мать жалко... Как вспомню о ней, так тоска гложет. Сам к прокурору много раз ходил. Иногда даже до самых дверей доберусь, очередь отстою. Но как прочитаю табличку с надписью «Прокурор», так ухожу обратно.

— А может, трусишь, Пасюк? — спросил командир, положив руку на плечо Володи.

В тот день в кабинет прокурора вошли двое. Высокий юноша, сняв бескозырку, отрапортовал:

— Владимир Пасюк, старший матрос, явился с повинной...

* * *

Первое письмо от сына мать получила неожиданно после многих лет разлуки. Письмо пришло в Челябинск, куда она вновь вернулась. Тысячи раз перечитывала долгожданные строчки.

«Ты говорила, мама, что я твоя надежда. Я не подвел тебя. Как демобилизуюсь, приеду к тебе. Есть у меня мечта стать прокурором. Я не дам жить бандитам. Не позволю, чтобы они калечили ребят, обманом втягивали их в грязные дела. Целую тебя, мамочка».

В том же конверте лежало письмо командира. Мать была счастлива, читая его. Незнакомый человек сообщал о сыне много хорошего. И дело, конечно, было не в том, сколько почетных грамот и наград получил Владимир, а в том, что он не пропал, стал честным человеком.

«Кого благодарить мне за тебя, сынок?» — шептала мать, склонившись над ответным письмом сыну.

«Кого благодарить?...» — думал сын, читая весточку от матери.

Очень много хороших людей встретилось на пути юноши. Каждый из них помогал от чистого сердца.

С тех пор, как Владимир парнишкой уехал из Челябинска, прошло много лет. Недавно он встретился с матерью. Долго целовал ее морщинки, долго гладил ее седую голову, просил простить за прошлое. А она? Какая мать не простит?!

...До рассвета сидели они, перебирая документы, рассматривая фотографии. Среди них снимок жены Владимира и его дочки Иринки.

На улице совсем рассвело. Проснулся город, побежали трамваи и троллейбусы.

О многом переговорили мать и сын в эту ночь, а ей не давал покоя еще один вопрос — последний. Владимир чувствовал это. И он сказал:

— Я принял фамилию жены. И вовсе не потому, что пасюк — вид какой-то серой крысы. Я не хочу носить фамилию своего отца потому, что право быть отцом имеет не каждый, даже если преподносит подарки и платит алименты.

ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ

Поздно ночью, когда семья Бочаровых крепко спала, а в ставни стучал дождь, раздался лай собаки. Зинаида подумала, что вернулся из командировки муж, и, встав, пошла к двери. У входа стояла женщина в легком платье, продрогшая и насквозь промокшая.

— Пустите, пожалуйста... Плохо мне... Начинаются роды...

— Заходите скорее, — пригласила хозяйка.

* * *

...Прошел год.

Однажды к Бочаровой пришла молодая женщина и, смущенно улыбаясь, спросила:

— Не узнаете?

— Нет. А кто вы?

— Помните, ночью, в дождь, вы меня пустили? Дочку я у вас родила...

— Неужели это ты? — изумилась Зина. — Мне казалось, пожилая женщина была, а ты вон какая верба! — и она невольно залобовалась, окинув взглядом стройную, милостивую женщину. — Да что мы стоим-то? Пойдем в дом. Чаем угощу.

Долго сидели они за столом, разговаривая, как подруги, не видевшие друг друга много лет.

— Двух детей я похоронила. В ту ночь, когда пришла к вам, выгнали меня свекровь и муж, — смахнув слезы, тихо рассказывала Варя. — Вот так и живу. Три снохи до меня не выдержали... Ушли. А я все боюсь дочь без отца оставить. Упрекают меня без конца: то не так выстирала, не так обед сварила, то не так прошла, взглянула не так.

— Почему же ты молчишь?

— Попробуй скажи им. Кроме оскорблений ничего не услышишь. Квартирантов и тех держат в страхе. Поздно не приди, рано не встань. Дом ведь почти в центре, а люди на окраину переезжают, только бы не терпеть унижений. Прокопий ей не прекословит. Что мать сказала — все. Сколько раз я ему говорила: «Уйдем, Проша, на квартиру. Сам видишь — нет больше сил терпеть». Ответ у него всегда один: «Вас много, а мать одна. Не нравится — уходи. Держать не будем. Только алиментов не жди, не получишь». С полочки всегда пьют. Вдвоем пьют, гостей не зовут. Тут лучше сразу убегай. Если успею, схвачу дочку, и в чем была — из дома. То у соседней переночую, то на чердаке. Бегством только от побоев и спасаюсь.

Не зная, верить ли услышанному, Зина недоумевала: «Неужели есть еще в наше время такие люди?»

— Да как ты живешь с ними? Здоровьем не обижена, сама работать можешь, а терпишь. Ради чего? Зачем?

С тех пор они встречались часто. Вместе с Бочаровыми ездила Варя за ягодами. Собрав по ведру малины, усталые и довольные, останавливались у ручья. Холодная и прозрачная вода снимала усталость.

Ночевали в деревне на сеновале. По вечерам варили варенье и долго, пока не гасли последние угольки костра, разговаривали. Встречались и в городе. Иногда, идя на рынок или в магазин, Варя забегала к Бочаровым, но ни разу не приглашала Зину к себе.

И вдруг Варя внезапно исчезла. Зина заволновалась, не случилось ли чего? И очень пожалела, что не знала адреса и фамилии подруги. Сходила бы к ней или старшую дочку послала. Что же делать? Город большой. Много здесь живет женщин с таким именем. Как разыщешь?

Решила пойти в городской роддом. Оказалось, что в тот месяц, когда Варя родила дочь, двадцать одна женщина с тем же именем стала мамой.

Восемнадцать адресов выписала Зина. Три адреса и писать не стала — мальчики там родились, а у Вари — дочь.

Каждый день Зинаида с младшей дочкой на руках отправлялась на поиски подруги. Одних Варвар она встречала дома, к другим приходилось заходить на работу, но все напрасно. Той, которая была нужна, не было.

И вот, наконец, еще один дом. Закрытые ставни, высокий забор. На калитке дощечка с надписью: «Злая собака». Сколько ни стучала Зина в ворота и ставни, никто не отзывался. Решила прийти вечером. Только перешла дорогу, неожиданно услышала скрип калитки, из которой в низко повязанном белом платке вышла старуха.

— Бабуся, — обратилась к ней Зина, — где Варя? Мне письмо ей нужно передать.

— Давай сюда. Я передам...

— Мне ее лично нужно.

Старуха, колюче взглянув из-под бровей, буркнула:

— Не живет она здесь. Со шпаной уехала. А мне нянчиться с ее выродком приходится, — и прошла мимо, ни одним взглядом не удостоив больше Зину.

«Врет старая. Не могла ей Варя дочку свою оставить», — подумала Зинаида и пошла к соседям. Может, они что-нибудь знают о подруге?

То, что она услышала, насторожило ее и заставило обратиться в прокуратуру.

* * *

Нашли Варю мертвой через несколько месяцев. Ее останки извлекли из озера, заросшего камышом. На чердаке дома, где проживал убийца, обнаружили бархатное платье, подаренное Вале ее матерью к свадьбе. Только в суде узнала Зина, что за день до смерти подруги стоял в доме Приданниковых настоящий содом. Свекровь буйствовала, выгоняя Варю из дома. «Не уйдешь сама, убью, если этот дурень не решится», — кричала она, швыряя в сноху чем попало.

Муж замахнулся утюгом, но отошел, увидев, что жена не прячется, не плачет, как обычно, а с презрением смотрит на него. Смотрит и молчит. Такого взгляда не видел он раньше. Она всегда была смиренной, робкой. Съежился Прокопий, как-то сразу став меньше.

А Варя пошла к плачущей дочке, взяла ее на колени, приласкала, успокоила. Задумавшись, долго сидела, не слыша колючих и бранных слов свекрови. Переполнилась чаша. Хватит. Ничего хорошего не видела она в этом доме.

Осторожно положила дочку на кровать, прикрыв пуховым платком. Тихо вышла из дома. Все! Больше терпеть не будет. Дочь сама воспитает. Неправда, не пропадет! В ясли устроит. На работе всегда пойдут ей навстречу. Комнату дадут со временем...

Внезапно ее мысли прервал запыхавшийся от быстрого бега Прокопий.

— Куда ты, Варька? В суд жаловаться пошла, а? Посадить, значит, хочешь? Смотри, Варвара!

Посмотрела она в его бегающие глаза и твердо ответила:

— Нет, сначала к врачу схожу. Пусть он синяки посчитает, да сколько ребер ты мне сломал, посмотрит, а в суд завтра успею. С меня довольно. Рассчитаться с тобой надо.

Трусливо оглядываясь по сторонам, муж стал уговаривать:

— Брось, Варвара! Давай лучше уедем в другой город. Жить будем, как люди. Дочь у нас. Чего людей-то смешить?

Беспокойно пролежала она до утра, не зная, верить или нет этому обещанию. А утром, вымыв пол и приготовив завтрак, Варя надела бархатное платье, собралась к отъезду. Вышла на улицу, за ворота, ожидая Прокопия.

Соседка, увидев Варвару, пошутила:

— Не на бал ли, Варечка, снарядилась с утра пораньше?

— Не говори! Мы с Прошей решили уехать. Ой, Настенька, неужели я из этого ада выберусь? Даже не верится.

— Зря ты ему веришь! Тех двух твоих детей, которые умерли, заморила старая ведьма, умышленно простудила. Каши сварить и то не хотела. Холодной водой поила, а молоком торговала. Все ей, кулачке, богатства мало. Ты в роддоме лежала последний раз, я твоему-то возьми, дура, да пожалуйся, так, мол, и так, а он на меня же накинулся: что, говорит, ты в чужое семейное дело суешься? Зря я промолчала тогда. Надо было в прокуратуру сходить.

— Что ты, Настя, — вступилась за мужа Варя, — девочки-то от воспаления легких умерли!

— Холодной водой поить, как не будет воспаления? Звери они, а не люди. Уходи ты от них совсем!

Из калитки выглянула свекровь, и Варя быстро отошла от Насти. Больше никто Вари в городе не видел. На станцию она и Прокопий опоздали, а ближайший поезд отправлялся через пять часов.

— Пойдем, Варвара, пешком. До Чебаркуля всего пятнадцать километров. Дорога лесом. По пути два озера. Выкупаемся, отдохнем, — предложил муж.

И она пошла, взяв его за руку. С самой свадьбы не ходили они так.

— Жалко, дочку не взяли. Хорошо-то как! Я бы ее сама всю дорогу несла. Озеро бы она посмотрела, ни разу ведь не видела, — сказала Варя.

Прокопий молчал.

У озера присели. Варя разложила хлеб, колбасу, сыр. Он достал из кармана поллитровую бутылку водки, привычным движением выбил пробку и начал жадно пить через горлышко, временами останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

— Ну, чего глаза пялишь? — вдруг неожиданно и резко сказал Прокопий. — В суд надумала пойти? Жить с тобой не буду. Мне мать похлеще тебя бабенку высватала... Думаешь, алименты получишь? Фигу!.. — и он с яростью набросился на Варвару.

Разбив висок бутылкой и ударив в лицо сапогом, Прокопий еще долго глумился над безжизненным телом. А потом, сняв с мертвой бархатное платье, поволок труп в камыши, зайдя по пояс в озеро с вязким дном...

* * *

Когда суд закончился, в зале воцарилось тягостное молчание. Одни думали о погубленной молодой жизни, другие — о предстоящем приговоре, а те, кто знал Варю, — о том, что в гибели ее есть и доля их вины.

Разве они, соседи, не знали, что происходит за высоким забором Приданниковых? Разве не видели они следов побоев на лице Вари? Не к ним ли с ребенком на руках, ночью, в одной сорочке, прибежала она, спасаясь от озверевшего мужа и его матери?

Да, не оборвалась бы жизнь молодой женщины, если бы все те, кто знал, что происходит за закрытыми ставнями, за высоким забором, за калиткой с надписью «Злая собака», подняли в защиту ее свой решительный, общественный голос.

МАЧЕХА

Казалось, все было хорошо в этой семье. Жена родила двух сыновей. Вначале Сереженьку, потом Сашку. Мальчишки на загляденье — здоровые, красивые.

Отец носил их гулять, сам выбирал в магазинах ползунки, костюмчики.

Долго ухаживал Владимир за больной женой. Чувствуя, что дни ее сочтены, она просила мужа:

— Володенька, не себе жену ищи, а детям мать. Крошки они. С мачехой пропадут. Мать им ищи!

После похорон отвел детишек в детский дом. В заявлении указал:

«Временно сыновей определяю. Не с кем их дома оставить; работаю шофером, все время в командировках».

Прошел месяц, за ним второй, третий...

Как-то вечером постучали в двери. Потом звонок раздался. Опять, наверное, соседка со своими байками про женитьбу. Так и есть. Да еще не одна, а с женщиной какой-то не очень молодой, на вид не красавицей.

— Чего не приглашаешь пройти?

— Да неудобно как-то гостей принимать, когда в доме не прибрано.

— А ты не стесняйся! Мы с Валентиной мигом порядок наведем. Она хозяйка отменная, ребята твои с ней горя знать не будут. Она им не мачехой, а матерью станет.

Как в воду смотрела соседка. Навела ее подруга в квартире такую чистоту, что хозяину и не снилось. И сама потребовала, чтобы мальчишки из детдома вернулись домой. День и ночь от них не отходила. Шила, перешивала, кормила вкусно, одевала красиво. Вначале они звали мачеху мамой Валей, а потом просто мамой стали звать...

Валентина не настаивала, чтобы Владимир юридически оформил с ней брак. Понимала, что жену ему забыть сразу трудно. Не упрекала, что подолгу на работе задерживался, не обижалась, что альбом с фотокарточками часто в руки брал.

Сама Сережу в первый класс повела. Помогала готовить уроки, аккуратно посещала родительские собрания. Гордилась отметками мальчика. Ласкала его, на занятия по фигурному катанию водила.

Мимо магазина, бывало, не пройдет, чтобы конфет не купить. Продавцы, завидев ее, спрашивали:

— Чего сегодня ваши сынки желают?

А когда с мужем на работе стряслась беда — оторвало четыре пальца правой руки — как за младенцем ухаживала. И руку перевязывала, и другие врачебные предписания помогала выполнять. Не ждала, что отблагодарит. Только однажды сестре проговорила:

— Эх, сестренка, видно, правду старые люди говорят, что когда нет любви, ее не вымолишь.

Прошел еще год. Сережа перешел во второй класс, Саша в среднюю группу детского сада ходил. Втроем коротали вечера. Радовались, когда соседка забежит.

— Чего это твоего все дома нет? Больно длинные у него командировки стали... Уж не завел ли себе другую?

— Не знаю. Может, и так. Мне ничего не говорит.

...В ту ночь Владимир пришел поздно. Постелил себе на полу. Валентина присела на краешек постели. Так

до утра и просидела. Только утром, приготовив завтрак, решила спросить:

— Сегодня опять к ней пойдешь?

— Пойду. Ничего с собой сделать не могу. Да ты не сердчай, мы тебе квартиру оставим. Заберу только кое-какие вещи и уеду с ней к моей матери на Кавказ.

— Думаешь, примет?

— А куда денется. Мать ведь родная, не мачеха.

— А я — мачеха? Детям твоим я мачеха, да?

Слово за слово и начался скандал. Владимир стал бить не только Валентину, но и детей. На крик Сережи «Не бей маму!» прибежали соседи.

...А потом был суд. За избиение Валентины и сыновей Владимира приговорили к полутора годам лишения свободы.

Он попросил адвоката:

— О мальчишках моих позаботьтесь. Ведь что стало? Ко мне от мачехи не идут. Родную мать мамочкой не звали, а ее зовут...

Да, не всякая не родная мать — мачеха.

ПОДЛОСТЬ

Утро пришло веселым. В раскрытое окно ворвалось солнце, и ветер заиграл с тюлевой шторкой.

Настроение в семье Малиных было приподнятым: Раиса Ивановна готовилась к предстоящему концерту в клубе, где она много лет была руководителем художественной самодеятельности. Михаил Петрович подшучивал над женой, уверяя, что сегодня ей не 56 лет, а два раза по 28 и что румянец у нее не обычный, а такой, как сорок лет назад, когда они встретились впервые.

— Вам телеграмма! — раздался голос с лестницы.

И не успела девушка-почтальон показать, где надо расписаться, как будто плетью повисли руки женщины, подкосились ноги. Рухнув на пол, вскрикнула:

— Женя! Доченька!

Собрались соседи. Из рук в руки стал переходить бланк со словами:

«Умерла Женя похороны 27 Галя».

Трудно дважды пережить подобное горе. Когда погиб сын летчик, Михаил Петрович, долго успокаивая жену, еще мог найти слова утешения. Но что он мог сказать ей, потерявшей единственную дочь, сейчас?

Много людей отозвались на беду Малиных. Кто-то сбежал на работу и оформил им отпуск, кто-то долго звонил на вокзал, договариваясь о билетах на первый поезд, кто-то дал телеграмму-молнию из Караганды в Челябинск, чтобы задержали похороны до приезда родителей. Телеграмму эту получила... сама Женя, со дня на день ожидавшая первого ребенка. Забыв о строгом предупреждении врачей не уходить далеко от дома, она обошла всех родных и знакомых, чтобы выяснить, кто умер. И невдомек ей было, что чья-то злая рука похоронила при жизни ее, Женю.

Когда она увидела постаревших и осунувшихся родителей и поняла, кого они приехали хоронить, то забилась в тяжелом приступе. Врачи едва привели ее в чувство.

Кто мог так «подшутить» над беременной женщиной, надругаться над ее родителями? Почему, во имя чего?

Прокуратура установила, что телеграмму дала не «Галя», а Зинаида Карагина, подписавшаяся чужим именем. Познакомившись с заключением графической экспертизы, она не стала отпираться. Да, это она послала ложную телеграмму. Да, она знала, что родители, конечно, приедут из Казахстана на Урал на «похороны» дочери. Знала, что причинит им горе. И говорит об этом хладнокровно. В прищуренных глазах — злоба.

— Что я вам сделала плохого? — спросила ее Раиса Ивановна.

— Ничего, — отрывисто отвечает Карагина. — Но вы не волнуйтесь! За ваши билеты я как-нибудь рассчитаюсь, если суд присудит. Однако учтите, что платить я не обязана, так как в телеграмме нет слова «Приезжайте». Ну, а если вы будете настаивать, чтобы меня судили в уголовном порядке, то и пяти рублей не получите! Понятно?

Деньги? Да разве в них дело? Деньги можно вернуть, а кто излечит травму, причиненную безжалостным, бездушным человеком?

— И все-таки почему вы так поступили? — спросил прокурор.

— Я просто разозлилась и решила отомстить. Я такая по натуре, что всем мщу! — с вызовом заявила Карагина.

— За что же вы мне мстите? — вырвалось у Жени.

— Подумай и вспомни! Тебе что, трудно было привезти костюм для моей дочери? Или боялась, что я тебе денег не отдам?

— Но я же не обещала... Да и денег свободных у меня не было.

— Обещала — не обещала... Какое это имеет теперь значение? В следующий раз будешь обещать, — процедила сквозь зубы Зинаида.

Непостижимо, что столь ничтожная причина могла породить такую дикую злобу. И тогда сослуживцы

Карагиной вспомнили: замкнутой была Зинаида, никогда общей радости не радовалась, чужой беде не сочувствовала. Всегда завидовала успеху других.

Коллектив цеха, где работала подсудимая, направил в суд общественного обвинителя.

— Нельзя прощать подлости, — сказал он, обращаясь к судьям. — Человек, посягнувший на наши нравственные устои, должен нести строгое наказание.

...Подсудимая отказалась от последнего слова. Что она могла сказать? Подлости нет оправдания.

ТРАГЕДИЯ В ДОМЕ № 49

Произошел редкий случай. Сын поднял руку на отца, учинил скандал. Кого не возмутит это?! В конце концов, если тебя обидели, позови соседей — они помогут.

— Почему же ты не позвал на помощь? — спросил подсудимого прокурор.

— Не мог...

— А бить отца мог?

— Я виноват и не прошу оправдания.

Оправдать его, действительно, невозможно. Но как произошла трагедия в доме № 49? Почему? И один ли подсудимый в этом виноват — надо еще разобраться.

...Жестянщика Баранова знали на кондитерской фабрике как отменного специалиста. Смотреть со стороны как он работает — глаз не оторвешь. За мастерство и прощали ему многое. После очередной выпивки приходил в цех хмурый, ни на кого не глядел. Только ворчал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Вырастил сыночка на свою голову... Вчера две поллитровки в унитаз вылил! Молокосос! Попробовал бы заработать. Техникум закончил, диплом получил. Грамотеем стал. Так что, от отца лицо воротить надо?! Кто тебя одевал, кормил?! Мать?! Много она на свою зарплату делает! А тоже еще заступница выискалась: повышенную стипендию Вася получает, видите... Подумаешь, стипендия... Да я ее за два дня халтуры заработаю...

— Ты с кем это разговариваешь, Михаил Петрович? — подошел начальник цеха.

— Раз один, значит, с собой! А что, нельзя?

— Почему нельзя? Ты после смены загляни ко мне. Есть разговор с глазу на глаз.

— Знаю я эти разговорчики! Что, опять премии лишите, а то цеховое собрание созвете? Мол, незачем было Мишку-пьяницу в четвертый раз принимать на фабрику — только коллектив позорит... Так уж гоните сразу. Меня везде примут. А почему? Да потому, что работу свою твердо знаю и товар лицом завсегда покажу.

Он с ожесточением схватил лист железа, продолжая ворчать.

«И что с тобой делать? — думал начальник. — Легче всего, конечно, уволить за прогул. В мае и июне по четыре дня не выходил на смену. Домой к тебе и людей посылал, и сам ходил — толку никакого. Лечиться отправляли, на собрании обсуждали... Да и уволить сейчас никак нельзя — на носу ремонт цеха. Хорошего жестянщика иногда труднее найти, чем инженера».

Посмотрел он, как у Баранова работа спорится, и, ничего не сказав, пошел в контору.

Потом на суде начальник цеха вспомнит одно из собраний, когда жестянщика обсуждали в последний раз. Как обычно, пришел сюда Баранов с толстой тетрадкой, которую сам именовал «черным списком». В ней были записаны грешки всех, кто работал вместе с ним.

Только скажут о нем плохо, он сразу начинает листать тетрадь, и прямо с места охрипшим голосом:

— Ты наперед про себя скажи, за что тебе жена чуб драла?

Люди захохочут, выступающий растеряется:

— Какой чуб? Я ведь лысый...

— Но до лысины он ведь у тебя был. И вообще регламент соблюдать надо! Женщин вон детишки ждут. Плачут.

На суде свидетели скажут, что не на шутку опасались «черного списка». Где и следовало выступить, помалкивали. А пьянице только того и надо.

После очередной проработки не пришел Баранов на фабрику совсем. Целую неделю пьянствовал, громко кричал на весь подъезд:

— Как они ко мне, так и я к ним! Никуда не денутся. Без меня ремонта не сделают. Вот и пусть ждут, пока я пропьюсь. Пей, Анна! Сбегай-ка, Васенька, принеси три бутылки вина, чтобы на опохмелку хватило. Уважь отца!

— Уважь его! — просила сына мать.

Спустя полчаса, подавая стакан вина семнадцатилетнему Василию, отец снова сказал:

— Уважь отца!

— Да уважь ты его! — в угоду мужу повторила мать.

От выпитого у сына закружилась голова, потянуло ко сну. Не выключив телевизора, не расстилая постели, он лег на диван.

Проснулся от страшного крика матери. Даже не сразу понял, где она: на балконе или на кухне. Опять, наверное, дерутся! Когда это кончится?!

Крик повторился.

— Вася! Сынок! Убьет ведь!

Побежал на кухню, схватил занесенный кулак отца, скрутил ему руки и, не помня себя, начал бить.

Позже эксперты-медики скажут: Баранова-старшего можно было спасти, если бы ему вовремя оказали медицинскую помощь.

На суде выяснилось, что Баранов неоднократно избивал жену, гонялся за ней с топором. Об этом сообщили свидетели. А Василий ничего плохого не сказал об отце. Говорил только одно: «Виноват я!»

А наказание грозило, с учетом несовершеннолетнего возраста, до десяти лет лишения свободы.

— За что ты так жестоко избил отца? — задал вопрос судья.

— Маму он бил. Она сильно кричала.

Коллектив кондитерской фабрики выделил общественного обвинителя, наказав ему строго-настрою: «Пусть осудят, чтобы другим неповадно было, только проси суд, чтобы не лишали свободы. Так и скажи: «Довел пьяница-отец парня».

Поступило в суд и письмо работников автогоспарка техникума. В нем говорилось:

«В суде находится дело Баранова Василия, нашего выпускника. В техникуме он учился хорошо, получал повышенную стипендию. Он комсомолец. Это дисциплинированный, скромный, застенчивый подросток. Не было ни одного случая нарушения им трудовой дисциплины, его уважали в группе.

Но мы все знали, что в доме у него тяжелая обстановка: отец и мать алкоголики. И Вася стыдился этого, замыкался в себе. Преподаватели сочувствовали ему, старались помочь. Особенно он стал переживать в последний год, когда стал взрослым, когда надо было готовить и защищать дипломный проект. Не раз мы беседовали и с матерью.

Мы думаем, что преступление, совершенное Васей, — это результат длительного, систематического расстройства нервной системы, сильного душевного волнения. Мы просим отнестись к Василию гуманно, не лишая его свободы».

Письмо принесла класный руководитель, а до этого сама пришла в прокуратуру и просила следователя, чтобы ее допросили в качестве свидетеля.

— Не под силу подростку выдержать такую обстановку, которая сложилась в семье Барановых. За три года учебы мы не слышали от Василия даже резкого слова... Все, что с ним произошло, — следствие нервного срыва...

Педагог очень волновалась, говорила так, будто на скамье подсудимых не бывший учащийся, а близкий, родной ей человек.

И опять притихший зал слышит слово, которое в суде повторяли один за другим все одиннадцать свидетелей, выступавших по делу.

— Довели! — говорит сестра Баранова-старшего.

— Довели, — подтверждает бабушка подсудимого. — Вася писал нам в деревню: «Приезжайте скорее. Они опять пьют».

С подобными письмами обращался он и к другим родственникам. Эти короткие письма взывали о помощи. Вот, может быть, тогда и надо было изолировать мальчишку от родителей, чтобы не отравляли они детство единственного сына. Но родственники, в лучшем случае, приезжали, журили пьяницу отца и стыдили мать, и уезжали, фактически оставляя Василия наедине с собой.

И он замкнулся, замолчал: стоит ли писать, на кого-то надеяться, если все остается по-прежнему... Добавлялись лишь отцовские упреки: «Зачем писал, щенок! Не они, а я тебя кормлю!»

В центре большого города, в многоэтажном доме произошла эта трагедия. Кто в ней виноват? Я ищу ответа на вопрос в показаниях и соседей — тех, кто жил с Барановыми на одной лестничной площадке, за стеной их квартиры или этажом ниже. Люди как люди. Николай Васильевич из соседней квартиры — заместитель директора одного из заводов. Человек степенный, солидный. Он авторитетно заявил суду:

— На месте Василия никто не выдержал бы. Парень он тихий, скромный. Если бы не он, то кто-нибудь из родителей давно погиб бы в пьяной драке. Василий разнимал их, уговаривал, упрашивал...

Мария Федоровна, проживающая этажом ниже, рассказала, что неоднократно поднималась к Барановым, взывая к их совести:

— Почему у вас постоянный шум и стук? Потолок у нас уже в трещинах.

Баранов-старший издевался: у него, мол очень болит желудок, вот он и бегаёт по квартире, чтобы облегчить боль. Жена его молча отходила от дверей, а Василий старался все реже и реже показываться на глаза соседям. Ему было стыдно за родителей.

* * *

Судьи удалились в совещательную комнату для вынесения приговора. Низко опустив голову, продолжал сидеть на скамье подсудимых Василий. Высокий, худой, очень похожий на мать, сидящую на другой скамье. Такой притихшей и оробевшей раньше ее никто не видел.

Долго совещались судьи. Тщательно взвесив все то, что было за и против подсудимого, они пришли к выводу, что он совершил преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Учтя все обстоятельства дела, суд приговорил Василия Баранова к двум годам лишения свободы условно.

Трагедии, происшедшей в доме № 49, могло не быть, если бы родственники подсудимого, соседи Барановых не считали все, что происходило в семье Василия, чисто «семейным делом».

ПЕРЕД СУДОМ

Это случилось средь белого дня на Челябинском вокзале.

Вокзал жил своей жизнью. Кого-то провожали, кого-то встречали. По извилистой лестнице поднимался на второй этаж парнишка с ученическим портфелем. На середине лестницы он остановился, облокотился о перила и стал внимательно смотреть в зал. Чувствовалось: парень кого-то ищет.

К нему подошли двое: длинный — в форме учащегося профтехучилища и невысокий — в старых валенках и поношенном пальтишке.

— Не здешний, видно? — поинтересовался один из них.

— Я из Сысерти приехал. Дядя должен был встретить, да, видно, разминулись.

— А адрес-то знаешь? Мы мигом доведем. Мы челябинские. Здесь все ходы и выходы знаем.

— Если бы знал адрес, сам бы нашел — не маленький. Мать дала дяде телеграмму: «Встречай Витю десятого марта, вагон седьмой». Может, телеграмма не дошла.

— Ладно, не горюй. Пойдем с нами, сообразим, где твоего предка найти, — сказал высокий.

Они поднялись на второй этаж. Зашли в туалет. Старший, прикрыв дверь, скомандовал:

— Обыщи его, Серега!

Не успел приезжий опомниться, как из кармана у него вытащили деньги, авторучку, лотерейный билет.

Он было побежал за «друзками», но тех и след простыл.

У переходного моста Сергей сосчитал деньги.

— Ого! Целых восемь рублей!

— Возьми себе четыре, а остальные мне!

— Дай мне, Сашка, ручку! — попросил Сергей.

— Сходи на почту — там ручек много.

— Ты куда сейчас?

— В училище надо. На обед опаздываю!

— Я тоже в столовую побегу. Пойдем, Саша, вечером в кинуху!

— Иди один! Сегодня футбол по телевизору смотреть буду.

— А мне можно с тобой?

— Да ты что, Серега? Рехнулся, что ли? Кто тебя в рамках в общежитие пропустит? Да и мне ребята скажут: «Со шпаной связался!»

— Я не шпана! — возмутился Сережа. — Я первый раз деньги отбираю.

— Давай-давай, рассказывай! — махнул рукой Сашка и, уже отойдя немного, добавил:

— Завтра в это время у главного входа в вокзал встретимся.

С завистью посмотрел Сережа на уходящего друга. А по дороге в столовую думал о том, что, пожалуй, рано сам он из интерната ушел. Мог бы до училища дотянуть. Надо же было от имени дедушки написать заявление директору интерната, чтобы документы выдали! А тому что? Обрадовался. Заявление есть и черкнул: «Выдать документы!» Вот и выдали метрики, да свидетельство о смерти матери. Езжай, мол, к дедушке. А если дед узнает, что заявление от его имени написал, будет день и ночь пилить:

— Станешь таким же непутевым, как отец.

Как будто он, Сережка, выбирал себе отца, который из тюрем не выходит!

Назавтра на вокзале по заявлению потерпевшего Сашку и Сергея задержали и привели в детскую комнату милиции. Там они увидели парня из Сысерти. Сергею стало не по себе. Он сел рядом и даже протянул тому горсть леденцов.

А Сашка начал записывать. Мол, и потерпевшего и Сергея видит впервые. Зачем на вокзал пришел? Просто так погулять. Все ребята из училища сюда гулять ходят. Почему не на каток, не в плавательный бассейн, не во Дворец спорта? А что он там забыл? На вокзале интересней, кофе можно попить. Откуда авторучка и билет лотерейный? Билет купил. Что, разве на нем написано, чей он? И авторучек таких в училище сколько угодно! Зачем ему грабить людей средь белого дня, если он сыт и одет? И притом у него в Еманжелинске родители порядочные. И брат в армии служит. Нет, нечего его со шпаной путать!

— Врет он все! — не выдержал потерпевший. — Он заставил Сергея меня обыскивать. И авторучка это моя. Правда, Сережа?!

— Я один тебя грабнул. Ты его не путай! И ручку ему сам дал и билет тоже! Пусть меня одного судят.

— Ишь ты, герой какой! — возмутился сотрудник милиции. — И в тюрьму за него пойдешь? Знаешь, что такое тюрьма?

— Отец рассказывал. Не пугайте! И там люди живут...

— Эх, парень! — вздохнул второй милиционер. — Жить можно по-разному...

А потом был суд.

Из профессионально-технического училища № 2 поступила просьба, чтобы Александра передали на поруки.

Мастер — представитель училища сказал, что парень не вызывал тревоги, дисциплинирован, увлекается спортом.

— Что вы можете еще сказать о нем? — поинтересовался судья.

— Больше ничего, — нерешительно ответил мастер.

— Если зачинщик грабежа не вызывал у вас тревоги, то кто же у вас ее вызывал?

Почти аналогичный вопрос задал судья и Анне Федосеевне — воспитателю интерната № 7. Но ей нечего было ответить в оправдание.

Да, конечно, директор интерната знал, что сегодня суд. Он же ее по повестке отпустил с работы. Ему повестки не было. Заявление? Заявление это не дедушка писал, а кто-то из детей. Дедушка однажды присылал письмо. У него совсем другой почерк, а это детской рукой написано. Почему не сказала директору, что заявление не дедушка Сергея писал? Об этом ее никто не спрашивал. А мальчишка не отличался хорошим поведением. Грубил, нехорошие слова употреблял... И вообще у него «длинные» руки.

— Вы можете назвать хоть один факт, что Сережа взял что-нибудь у других? — спросила воспитателя инспектор гороно.

— Так все говорят! — уклонилась от прямого ответа Анна Федосеевна.

— Пусть все, но не вы, призванная воспитывать детей.

Сережа, взглянув на инспектора, сказал, что обращался к воспитательнице с просьбой посодействовать, чтобы из седьмого класса его перевели обратно в шестой — по алгебре и геометрии он ничего не понимает.

— Была такая просьба, — подтвердила воспитательница. — Почему не перевели? Директора надо спрашивать, а не меня. Не я перевожу.

— Можно задать вопрос? — неожиданно обратился к судье Сергей.

— Задайте!

— Анна Федосеевна! Вы меня один раз пускали к дедушке? Вспомните — пятого мая прошлого года. Ведь пускали, правда?

— Да, разрешала, но ведь он отказался взять тебя даже на каникулы.

— Отказался, — сник Сережка.

...Когда судьи совещались, многие думали о судьбе Сережи, о том, почему интернат не стал ему родным домом? Почему зимой пятнадцатилетний подросток оказался без крова? Почему, когда решается его судьба, не пришел в суд директор интерната?

Да и Анна Федосеевна еще до оглашения приговора ушла из суда. Напрасно подсудимый искал ее глазами...

ЛАНКА

Ее звали Ланка, Лана. Такого имени не было ни у одной девчонки в школе. Впрочем, не было ни у одной и таких серо-зеленых глаз под длинной бахромой черных ресниц. А мальчишки не знали, блондинка она или брюнетка — ее косы были пепельного цвета. Никто из ребят не решался предложить ей дружбу. Боялись — поднимет на смех. Она такая. Просмеять кого-нибудь ей ничего не стоило.

Любила носить комбинированные платья, шила сама, перешивала все то, что можно было перешить.

В огличницах Ланка никогда не ходила, но задачи решала быстрее всех в классе, писала самые интересные сочинения, хотя и не без грамматических ошибок.

Она никогда не списывала с чужих тетрадей, а свои охотно давала всем, кто попросит. Однажды выполняя контрольную задачу, перепутала синус с косинусом. Трое девчонок, списавших у нее решение, повторили ошибку. Это возмутило учительницу математики. Полуурока она выясняла, кто у кого списал, но так и ничего не узнав, предложила всем четверем завтра же пригласить в школу родителей.

— А если у меня нет родителей? — спросила Ланка.

— У тебя есть мать, пусть она и придет.

— Я же сказала, что я не списывала, — стояла на своем Ланка.

— Тогда скажи, кто у тебя списал? — попросила учительница.

— Я друзей своих выдавать никогда не буду. Маме ничего не скажу. А если без нее не пустите, то вообще оставлю школу, — вспыхнула девушка.

— Ложное у тебя, Лана, представление о дружбе. Но если ты когда-нибудь еще будешь разговаривать со мною таким тоном, придется тебя просто попросить выйти из класса.

— Вам не придется просить меня об этом. Я сама уйду. — Собрав тетради и книги в портфель, Ланка быстро вышла.

Она не пришла в класс ни завтра, ни послезавтра. Ее документы получил брат, объяснив директору, что сестра устроилась ученицей в швейную мастерскую, а учиться будет в вечерней школе.

...Спустя некоторое время началась война. Все мальчишки из десятого «Б» пошли на фронт. Вернулись домой не все. А тот, кто вернулся, услышал о Ланке страшную историю.

Была у нее задушевная подружка Галка, кассир одного из заводов. Познакомились они на танцах. Увидев на Ланке нарядное платье, Галина спросила:

— Кто это тебе так хорошо шьет? Познакомь меня с твоей портнихой.

— Я сама шью. Хочешь, тебе такое же сошью.

Девушки подружились — вместе ходили на танцевальные вечера, часто ночевали друг у друга, вместе сдавали кровь для раненых фронтовиков.

На одном из танцевальных вечеров Галину пригласил интересный парень. Потом проводил ее домой, назначил свидание, а через неделю сделал предложение.

— Но ты же его мало знаешь, — ответила Ланка, когда подруга поделилась с ней этой новостью.

— Он такой хороший, такой необыкновенный! Его отец был другом поэта Есенина. Он мне даже стихи посвятил. Правда! — уверяла Галина.

— Кто: отец или твой Сергей?

— Мой Сергей, конечно! Ты только послушай, что он написал:

«Тебе лишь двадцать лет.
У вас своя дорога.
Вы можете смеяться и любить...
А я... Я пережил так много...»

— Это не его стихи, — перебила подругу Ланка.

— А я говорю его, Сережины, — сердито ответила Галина. В последние дни она только и говорила о замужестве, с нетерпением ожидая каждодневной встречи с будущим супругом.

Между тем Сергей не спешил с регистрацией брака. Оттого, наверное, Галина с каждым днем становилась все мрачнее и раздражительней. Ланка жалела ее, помогала чем могла.

* * *

Как-то к Галине прибежал Сергей. Ничего не объясняя, сказал, что к часу дня ему необходимо достать тысячу рублей. Он просил помощи, намекнув, что заводская касса не обеднеет, если на два дня, только на два дня, она возьмет в долг всего одну тысячу.

— Касса не сойдется. Что я тогда скажу бухгалтеру?

— Галчонок, ты просто не хочешь меня выручить, а значит, не любишь. Раз так, зачем выходить за меня замуж?

Сергей объяснил, как и что нужно подделать, чтобы недостачу не обнаружили.

В обеденный перерыв Галина принесла деньги. Вечером они встретились. Он нежно целовал ее, гладил руки, просил еще немного подождать до свадьбы. В тот вечер Сергей сказал Галине, что на несколько дней уезжает в командировку. Оба поехали на вокзал. Долго махала Галина вслед уходящему поезду.

Прошел месяц, а возлюбленный не возвращался. Бухгалтер Мария Петровна при первой ревизии выявила недостачу и потребовала немедленно внести недостающую сумму, иначе дело будет передано в прокуратуру.

Испугавшись, Галина написала расписку о том, что в течение трех дней погасит задолженность. Едва набрав пятьсот рублей она и Ланка пошли к Сергею. Но дома его не оказалось — еще не вернулся.

«Остается последний день. Послезавтра бухгалтер всем скажет, что Галка воровка, начнется следствие. Стыд-то какой!» — думала Ланка, переживая за подругу.

— Ну чего ты плачешь, Галочка? Надо искать выход. Давай уговорим бухгалтершу, чтобы еще несколько дней повременила. Ты завтра ее приведи ко мне. Отдадим пятьсот, остальные внесем постепенно. А я за то, что подождет, всю жизнь буду бесплатно ей шить.

Назавтра Галина привела Марию Петровну. Услышав, что собрана лишь половина суммы, бухгалтер не стала разговаривать, заявив, что сообщит директору завода о краже.

Напрасно подруги просили подождать хотя бы еще дня три. Напрасно рыдала Галина.

— Ты меня правильно пойми, — объясняла Мария Петровна. — Я тебе сегодня тысячу прощу, а ты завтра две украдешь!

— Не украдет! Она не воровка! — горячо возразила Ланка.

— Тот, кто залезает в чужой карман, — вор.

— Я ни у кого ничего не украла, взяла только на два дня, — закричала Галина.

— По какому праву ты со мной так разговариваешь? — возмутилась Мария Петровна.

— Потому что я не воровка. Я хотела помочь своему жениху, но с ним, видимо, что-то случилось.

— Ничего с ним не случилось, милая моя. Наверное, где-то еще одну такую, как ты, глупую сватает.

— Так я по-вашему воровка и дура? — Лицо Галины исказилось от злости.

Потом все произошло словно во сне. С ужасом смотрела Ланка, как набросилась подруга на Марию Петровну, как, схватив молоток, начала бить женщину по голове, по лицу. Ланка хотела кричать, звать на помощь — не могла. Вскоре все было кончено...

— Ты куда? — испуганно спросила Ланка Галину, когда та направилась к выходу.

— Домой.

— А я как? Скоро придет мама. Что я ей скажу?

— Говори, что хочешь. Я у тебя не была и ничего не знаю. Если следы не смоешь, а труп не уберешь, скажут, ты убила. А я ни при чем.

На мгновение Ланка представила весь ужас положения, в которое поставила ее Галина, та самая, которую она считала близкой подругой.

— Уйди, бессовестная! Пусть меня расстреляют! Но знай, я не такая, как ты! Я не стану сваливать вину на тебя, не пойду доказывать. Только уходи и никогда не показывайся мне на глаза, а то я сама тебя убью, — произнесла Ланка, ошеломленная поступком подруги.

Но Галина не ушла. Труп спустили в подпол, лихорадочно стали замывать следы крови. Когда пол был отмыт, Галина обнаружила, что дверь не заперта на крючок.

— Теперь все равно! — махнула рукой Ланка. — Уходи быстрее и больше чтобы я тебя не видела, — сказала она, выталкивая бывшую подругу за дверь.

Ночью вернулась с работы мать. Квартира блестела чистотой, а пол добела отскоблен ножом. Ничего не напоминало о страшной трагедии.

* * *

Любое преступление не остается безнаказанным. Труп обнаружили в колодце, куда его позднее спустила Ланка.

Пока не предъявили Галине ее расписку, обнаруженную в сейфе бухгалтера, она, в ходе следствия, вообще не признавала своей вины, а потом стала утверждать, что виновата только в том, что не донесла об убийстве, очевидцем которого была.

Когда на суде в качестве свидетеля допрашивали Сергея, Галина пристально смотрела на него. Казалось, ждала в нем спасения, но он заявил, что никаких денег от нее не получал, что подсудимая клеветает на него, так как он отказался с ней встречаться.

— Вы женаты? — спросил судья.

— Да, — ответил Сергей.

Лицо Галины залилось румянцем. Может, в эту минуту она подумала, что он считает ее своей женой. Но тут же сникла, услышав, что его жена и двое детей живут в Саратове.

Ланка же уверяла, что только она одна убила бухгалтера.

Пока велось следствие, а затем шел суд, много думала Ланка о своей короткой жизни, о своих больших ошибках. Если б можно было начать жизнь снова! Не оставила бы она школу из-за пустяка, не выбрала бы себе в подруги кого попало. Когда-то, еще в девятом классе, выписала она из сборника стихов Омара Хайяма такие строки:

«Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало».

Всю глубину этих слов Ланка поняла только сейчас. Они не выходили из головы, она повторяла их бесчисленное количество раз, отмеряя семь шагов от одной стены тюремной камеры до другой.

— Ради чего я все делала? Кому помогала? Кого выручала? — мысленно сквозь слезы спрашивала себя Ланка. Ей страшно было умирать в двадцать лет, а еще страшнее сознавать, что и умирать должна не как человек, а как соучастница убийства.

Высшая судебная инстанция, всесторонне проанализировав все обстоятельства дела, сочла возможным заменить Ланке высшую меру наказания десятью годами лишения свободы.

Прошло десять лет. Потом еще пять. Как-то случайно я встретила Ланку в одном из ателье. Она была замужем. Имела сына.

— Лучший мастер индивидуального пошива! — отрекомендовала ее заведующая.

Передо мной стояла Ланка. Те же серо-зеленые глаза, только возле них много мелких морщинок, да волосы не пепельные, а седые.

СЕДАЯ ПРЯДЬ

Желающих послушать этот процесс было много. Люди стояли в проходах, на лестнице, в коридорах.

Заметно волновался судья. За тридцать лет работы ему впервые пришлось рассматривать подобное дело.

В сопровождении конвоиров в зал вошла женщина среднего роста, худощавая, лет сорока. Серый в черную полоску сарафан ладно облегал стройную фигуру. Подсудимая теребила длинные рукава черной шелковой блузки, и вначале казалось, что она ищет своих детей: сына и дочь. Но взгляд ее остановился на одном из мужчин, стоявшем недалеко от окна. По тому, насколько элегантно, со вкусом был одет этот высокий человек, можно было подумать, что он пришел в театр, а не в суд, где ему предстояло выступить в качестве основного свидетеля.

Через пять дней все, присутствующие в зале, услышали последнее слово подсудимой Валентины Голенко:

— Я виновата, очень виновата, совершив преступление, какое, возможно, никто не совершал. Я убила ребенка и своим преступлением ранила самого близкого мне человека, его семью. Я опозорила свою мать и коллектив, где работала много лет. Сама изуродовала детство и юность моих детей. Никогда не говорила последних слов и не слышала, как их говорят. Мое последнее слово может быть действительно последним и

прощальным. Но если вы будете гуманны к моим детям, то сохраните мне жизнь. Верю, что суд вынесет справедливый приговор.

После этих слов, к которым все присутствовавшие в зале остались равнодушными, суду предстояло определить меру наказания.

...Из подъезда дома вышла в котиковой дохе женщина. За ней бежала трехлетняя девочка:

— Те-тя! Те...

Внезапно девочка упала. Из ее рта шла пена. Напрасно подоспевшие трясли ребенка, напрасно щупали пульс. Безжизненное тело распласталось на слегка подтаявшем снегу.

Собрались люди. Одна из женщин, очнувшись от минутного оцепенения, громко сказала:

— Да это же Галочка, из нашего детского садика, в одной группе с моей дочкой. Она и живет со мною по соседству.

Следственным органам необходимо было выяснить, отчего умерла девочка. Эксперты установили, что смерть наступила мгновенно от быстродействующего яда, в состав которого входит теофос.

Молодая воспитательница детского сада сообщила, что в конце дня за ребенком пришла женщина в котиковой дохе.

— Галочка, папочка уехал. Он скоро приедет и привезет тебе самую красивую говорящую куклу. А сейчас пойдем домой.

В это время раздался телефонный звонок. Воспитательница ушла в соседнюю комнату и сняла трубку. Когда вернулась, ни девочки, ни той, которая пришла за ней, не оказалось. Почему отдала ребенка? Да потому, что работает в садике только третий день и еще не знает всех родителей в лицо.

Начались поиски женщины, приходившей в детсад.

Мать Галочки, когда ее привели в чувство, уверяла, что ни у нее, ни у мужа, уехавшего в командировку в Киев, нет недоброжелателей.

Женщина, опознавшая умершую девочку, сказала, что семью Галочки знает плохо, но однажды был случай...

— Впрочем, случилось это давно и не имеет, очевидно, значения...

— Что вы имеете в виду? — насторожился майор милиции.

— Я бы не хотела и говорить, а то скажут — сплетничает. В прошлом году на дневном сеансе в кинотеатре я встретила отца девочки с одной женщиной...

— Она была в котиковой дохе? — прервал майор.

— Нет, в нарядном летнем светлом платье. Сидели они впереди меня, переговаривались. Даже сосед им замечание сделал. Кончился фильм. Я поздоровалась с Юрием Семеновичем. Он кивнул мне. Сделал вид, что не знает сидевшей рядом с ним, и пошел в другую сторону. Я удивилась. Даже мужу рассказала об этом.

— Что вы можете сказать о внешности женщины?

— Ничего особенного, если не считать, что в черных волосах седая прядь.

Работники милиции, несмотря на поздний час, встретились с начальником отдела кадров научно-исследовательского института, где работает отец девочки. Что можно сказать о Юрии Семеновиче? Ничего плохого. Сотрудники его уважают. Инженер он опытный. Полностью сдал кандидатский минимум. Скоро будет защищать диссертацию. Есть ли у него друзья в институте? Есть.

В двенадцатом часу ночи позвонили одному из приятелей Юрия Семеновича.

— Что? Из милиции? Безобразие! Какая седая прядь? Кто вам дал право беспокоить ночью? — раздался ответ и в трубке послышались короткие гудки. Пришлось позвонить вторично, а затем еще раз, пока человек, наконец, поверил, что ему действительно звонят из милиции по очень важному, не терпевшему отлагательства, делу.

— Вас интересует преподаватель английского языка? Знаю, что она работает в институте и помогала моему другу подготовиться к сдаче кандидатского минимума по английскому языку. А вот как звать и где живет — точно сказать затрудняюсь. Если не изменяет память, имя ее, кажется, Валентина. У нее вроде бы седая прядь...

Вскоре удалось установить место работы и адрес этой женщины.

— Подсудимая! Кто-нибудь знал о ваших близких отношениях с отцом погибшей девочки? — спросил судья.

— Только сестра. А дети думали, что он приходит заниматься ко мне, что я ему даю уроки. Чтобы не мешать, сын всегда уходил из дома, а дочка была в садике, или я ее отводила к сестре.

Никто не догадывался, что Валентина живет второй жизнью, каждый раз с трепетом ожидая встречи с любимым, с нетерпением ждет от него писем, если он в командировке или с женой на курорте. Никто не мог предполагать и того, какие нежные письма пишет она и какие ответы приходят на эти письма...

Как-то, когда он успешно сдал кандидатский минимум, они поехали на озеро. Загорали, плавали, катались на лодке. А потом до рассвета сидели у костра. Сидели молча. Им было хорошо. В такие минуты не нужны слова.

Подбросив в костер хворосту, она мечтательно сказала:

— Вот так бы всю жизнь!..

— Можно бы и всю жизнь, если бы не Галочка. Ее я оставить не могу!..

Сказано это было так, между прочим, но ей запомнилось...

Потом в бессонные ночи ее сверлила мысль: «Если бы не Галочка...» Идя в институт, думала: «Если бы не Галочка...»

«Может, я схожу с ума? Может, необходимо обратиться к врачу? Невропатолог говорил, что надо подлечить нервы. Даже пошутил: «Бальзаковский возраст!» Посоветовал уметь владеть собой. Сказал, что человек сам может завести себя в такие дебри, из которых трудно выбраться...»

— Ты стал холодней ко мне! — все чаще упрекала она любовника. — Почему ты не разрешаешь проводить тебя в Киев до самолета? Ты боишься, да? Ты — эгоист! Думаешь только о себе, а не видишь, как я страдаю!

Он видел все, но не собирался оставлять семью. И не потому, что любил жену, а просто привык к уже заведенному ритму семейной жизни, когда все идет ровно и спокойно, как часы. Ему казалось, что так будет продолжаться очень долго, без конца... И конечно же, при этом не приходила мысль о трагической развязке, которая может наступить в тот день, когда Валентина, придя в детский сад, уведет Галочку. Боялся он и того, что разрыв с семьей повлияет на его будущее — приближалось время защиты диссертации.

Суд приговорил Валентину Голенко к двенадцати годам лишения свободы. Верховный суд РСФСР отклонил протест прокурора на мягкость наказания.

«ПРИЛЕТАЙ СКОРОСТЬЮ ЗВУКА»

Вскоре после Нового года из Челябинского универмага было похищено золота и денег больше чем на сто тысяч. Работники уголовного розыска сбились с ног в поисках преступника. На помощь челябинским коллегам прилетели прославленные муровцы из Москвы. Никто еще не знал, что ценности уже переправлены в соседний город Копейск, а преступник распивает чай в одном из купе экспресса «Южный Урал» и путь его лежит через Москву в Тулу.

На первый взгляд могло показаться, что хищение совершили либо матерый вор, либо крупная банда: вскрыты 23 кассовых аппарата и сейф. Преступники не оставили никаких улик. Почему-то не сработала сигнализация. А ушли похитители через окно второго этажа магазина — оттуда свисала веревка.

Экспертиза установила, что контакты сигнала замкнуты проволочной перемычкой, чем и выведены из-под охраны фасад второго этажа, охранная блокировка сейфа, где хранились ювелирные изделия.

Возникла версия: не причастны ли работники универмага к краже? Инженер, он же электромонтер Шуналов, признался, что поставил перемычку, так как была неисправность в сигнализации. Собирался устранить недостаток, а потом забыл...

В то время, когда работники уголовного розыска выясняли все обстоятельства, связанные с кражей, в один из дней на городской телеграф Копейска пришла женщина. В телеграмме, отправленной ею в Семипалатинск, было всего три слова:

«Прилетай скоростью звука».

Сотрудники телеграфа, зная женщину, спросили сочувственно: «Не умер ли кто?»

— Любопытные мы нынче стали... С чего бы это? — беззлобно сказала она, кокетливо поправив прическу двумя пальцами, на которых сверкнули дорогие кольца.

Между тем милиция задержала в Туле двух парней по подозрению в бродяжничестве. Паспортов у них не оказалось. Стали «устанавливать личность», попросили назвать адреса родителей. Оказавшись в одной камере с бродягами, парни потребовали, чтобы им оформили явку с повинной. Так появилось признание двадцатилетнего Леонида Зарова:

«С 3 на 4 ноября в Семипалатинске я совершил кражу из ЦУМа. Унес шесть с лишним тысяч рублей и товар, который впоследствии выбросил с правого берега Иртыша.

В ночь на двадцатое января я ограбил кассы и вскрыл сейф в Челябинском универмаге, взяв золота на 130 тысяч. Золото спрятал в подполе дома, где живет моя мать».

Он не знал еще, что переправленное им в Копейск и спрятанное золото уже обнаружили работники уголовного розыска в подвале многонаселенного дома, на первом этаже которого жила его родительница. Не знал, что за два дня до прихода милиции мамаша начала разбазаривать драгоценности налево и направо и что из подвала уже украли золотых колец на пять с половиной тысяч рублей. Не думал, когда принес похищенное к матери и сказал: «Мама, это пахнет вышкой!», что во время очередной попойки она просто подарит незнакомой уборщице два золотых кольца и серьги с дорогими камнями, а та за бесценок попытается продать их.

Не предполагал и того, что мать, решив упрятать золото в Семипалатинске, дала телеграмму своему брату. Тот не заставил себя долго ждать. Прилетел и тут же был задержан работниками уголовного розыска.

...Вначале, когда отец и мать Леньки расходились, они не могли решить — с кем мальчику жить. В конце концов он оказался у бабушки по линии матери, которая увезла его в Копейск. Муж бабушки был артистом кукольного театра, а когда умер, паренька определили в интернат. Но в каком городе — мать на суде никак не могла вспомнить.

За кражи из двух универмагов и другие хищения суд приговорил Леонида к пятнадцати годам лишения свободы. Надо было видеть, как горько плакала в суде мать! Но не она ли виновница того, что ее сын стал воровом?! Не она ли помогала прятать похищенные им ценности?

Есть в деле заключение судебно-психиатрической экспертизы Леонида. В заключении подчеркивается, что в условиях ненормальной семейной жизни у мальчика развился комплекс неполноценности. До трех лет не

говорил. С трех лет заикается. По характеру общительный, драчливый, вспыльчивый, всегда старался держаться «героем». Нередко от него слышали: «Теперь обо мне узнают все!»

Он всю жизнь хотел самоутвердиться, показать, что не хуже других. Увлекался многим: шахматами, стрельбой, ездой на мотоцикле. Получил права шофера, стал радиолобителем. Но настоящим человеком так и не стал.

Свидетель из Семипалатинска сказала:

«Строго его надо судить, потому что он не только вор, но и пакостник. Весь город возмутился, когда ребята на обмелевшем берегу Иртыша нашли почти семьдесят штук часов. Их выбросил в реку Заров».

Судья спросил Леонида, чем объяснить этот бессмысленный поступок? Не сразу рассказал подсудимый все, как было. Из Семипалатинского ЦУМа он украл денег и ценностей на десять тысяч рублей и принес в дом дяди Толи — двоюродного брата матери. Тот взял 5600 рублей, а часы, чтобы милиция не раскрыла преступления, велел выбросить. Вот его-то, своего родственника, выдавать Леонид боялся: того уже неоднократно судили — могут признать особо опасным рецидивистом. Да и мать на процессе горячо утверждала, что после нее и бабушки двоюродный брат — самый родной сыну человек.

Не хотел Леонид рассказывать и о том, что он и дядюшка в ресторанах деньги пропивали и знакомым девицам часы-браслеты дарили.

Долго выяснял истину следователь Зайцев.

— Вспоминай, Леня, кому еще что давали? Для тебя же стараюсь все найти.

В Копейск ездил сам разыскивать, не запрятано ли в подвале еще что-нибудь. По Челябинскому универмагу не досчитался золотых изделий на 4800 рублей, а по Семипалатинскому ЦУМу — и того больше. Радовался, что удалось вернуть государству золота на 123 тысячи рублей, как будто свое добро нашел. Так и сказал: «Как это не свое, Леня? Можно сказать, кровное, свое. Все государственное — это наше, общее».

— Значит и мое? Так за что же меня будут судить?

Другой бы возмутился, а Зайцев спокойно взял листок бумаги и давай считать. Подсчитал, сколько лет работал Леня. Сколько за три года трудового стажа мог заработать и сколько у государства взял. Баланс, конечно, сказался не в пользу обвиняемого.

В последнем слове подсудимый сказал:

— Раскаиваюсь я! Простите!

Но простить его суд не мог. Мог только учесть, что признал свою вину и что народное добро в основном возвращено.

НА ШИРОКУЮ НОГУ

Дело рассматривалось третью неделю. За окнами судебного зала ярко пылало солнце. Ветерок еле-еле шевелил притихшую листву. Один из подсудимых, широкоплечий Арунас, на миг вспомнил такой же солнечный день на золотом пляже Ялты. Он долго загорал, а потом уплыл далеко-далеко в море. Свободу не замечаешь, когда пользуешься ею. А теперь он мечтает о ней, она снится ему каждую ночь. И еще вспоминаются спортивные соревнования в Сочи и Минске, в Вильнюсе и Москве, за рубежом. Были аплодисменты, кубки, дипломы и грамоты, многочисленные поздравления. Брат Раймондас тоже считался отличным спортсменом. И мать радовалась за своих сыновей, гордилась ими.

И вот сейчас, низко опустив плечи, смотрит она на скамью подсудимых, где по обе стороны от своего отца, ее бывшего мужа, сидят два ее сына. В эти минуты перед ней мысленно проходит их жизнь. Кажется, совсем недавно один поступил в педагогический институт, другой — в институт физкультуры... Годы учебы, участие в состязаниях, когда старший, Арунас, оказался сильнейшим среди юношей страны в толкании ядра. Его портрет опубликовал журнал «Легкая атлетика».

Когда ее оставил муж, Арунасу было восемь лет, а Раймондасу всего четыре года. Мальчики жили то у нее, то у бабушки, то у отца, который, часто меняя спутниц жизни, не баловал детей вниманием.

На суде мать выступала в качестве свидетеля.

— Я почувствовала неладное после Нового года, — сказала она, — когда Арунас и Раймондас уехали к бабушке и словно в воду канули. Передумала все. Но то, что они могут участвовать в спекулятивных махинациях — такая мысль мне не приходила. Даже и сейчас, когда факты неопровержимы, в это трудно поверить...

И вот теперь судьям предстояло установить, как юноши, в недавнем прошлом хорошие ребята-спортсмены, студенты, встали на путь преступления.

Конечно, ни мать, ни судьи не знали, как молодая мачеха, расхаживая по квартире в роскошном халате, доказывала неродным сыновьям, что главное в жизни — деньги.

— Только одни умеют делать их, — говорила она, надевая на пальцы золотые кольца, — а другие...

— Другие, — продолжал отец, — как ваша мать, например, восемь часов крутят баранку троллейбуса и получают за это не больше ста пятидесяти. А я вот в месяц могу иметь тысячу рублей, а то и три.

— Не тронь мать! — нахмурил брови старший сын.

— Поделись опытом, — перебил его младший.

— Привозим мы в Куйбышев, допустим, двадцать шесть шуб и получаем за каждую на сто — сто двадцать

рублей больше, чем она стоит у нас в Каунасе. Не так уж трудно подсчитать прибыль... У тебя же почти высшее образование, — лукаво подмигивает отец.

И вот поездки в Куйбышев, Свердловск. В Челябинске их задержали с поличным. Выяснилось, что товар доставала мачеха.

— Где вы приобрели столько шуб? — спрашивает у нее судья.

Валентина Петровна допрашивается в качестве свидетеля. Поправив нарядную кофточку, она рассказывает о том, как сорила деньгами, ездила на юг, о приобретении мебели, хрусталя и других дорогостоящих вещей.

— Прошу вас, — обращается судья к свидетельнице, — говорить более конкретно по существу дела.

— В Куйбышев мы привезли всего двадцать шесть шуб, а сколько в Свердловск и Челябинск — не припомню... Мой муж, — кивает она в сторону Ионаса, — знает. У него хорошая память...

— Да, я предложила Арунасу спекулировать, — продолжает Валентина Петровна. — Не хотела, чтобы он жил с нами. Думала, будет у него много денег, купит кооперативную квартиру. Где доставала шубы? Это для меня не составляло труда — имела связи. Да и кустарные могла достать...

Суд тщательно выясняет все, что связано со спекулятивными махинациями подсудимых. В ходе разбирательства все более становится очевидным, как отец развращал сыновей. Ведь именно он поручил им первое «дело» — продать в Свердловске несколько шуб.

Подсудимым предоставили последнее слово. Ионас Косто долго молчит, неподвижно глядя в какую-то точку на стене. Быть может, он сожалеет, что поторопился расстаться с первой женой — матерью его детей, трудолюбивой женщиной?

— Во всем виновата моя нынешняя жена, — произносит, наконец, Ионас. — Она втянула меня в преступление. Меня и сыновей. Но и моя вина перед ними тоже есть. Прошу смягчить мне меру наказания, так как у меня двухлетний ребенок. И еще престарелая мать. Но самое главное — прошу суд не лишать свободы моих сыновей.

Он тяжело опустил на скамью подсудимых. Потом говорил Раймондас. Начал он издали:

— До 1974 года я учился в пединституте, но специальность мне не нравилась. Жил с матерью. С одиннадцати лет стал заниматься конным спортом. А в январе этого года приехал к отцу. Его жена Валентина посоветовала поехать в Челябинск продавать шубы. Вот и поехал. Прошу не лишать свободы. Буду работать, учиться и заниматься спортом.

— А я хочу извиниться перед мамой. Очень виноват перед ней! — сказал Арунас в последнем слове. К этим словам он больше ничего не мог добавить — сдавило горло.

И вот оглашен приговор. Ионас Косто и его младший сын были приговорены к лишению свободы, а Арунаса суд счел необходимым направить на стройки народного хозяйства.

Жалоб на приговор не поступило.

КАПИТАЛЬНАЯ СТЕНА

Ждет человек очередь на квартиру. Подходит время получать долгожданный ордер, а ему говорят:

— Иван Алексеевич! Ты у нас сознательный...

Впрочем, все по порядку. В цехоме распределяли квартиры в новом доме. Первая очередь была у слесаря завода Ивана Алексеевича Морина. Вот-вот — и он станет владельцем отличной квартиры.

И как раз в это время администрация предприятия передала в цехком заявление пенсионера Ивана Ивановича Микулина:

«Много лет я проработал на заводе. Сейчас тяжело болен, а у меня трое детей. Возьмите мою часть дома по ул. Конвейерной в г. Челябинске, а моей семье дайте благоустроенное жилье. К тем, кого поселит завод в мою часть дома, от моей семьи не будет никаких претензий».

Тихо стало в цехоме. Мол, понять — понимаем, да только нас-то тоже понять надо. Все с облегчением вздохнули, когда Морин махнул рукой и сказал:

— Была не была! Пусть Микулин «первую очередь забирает», а моя семья в эту самую часть его дома пойдет.

Так пенсионер Иван Иванович Микулин с тремя детьми и женой поселился в трехкомнатной квартире благоустроенного дома, а Иван Алексеевич Морин стал печь топить в комнате-кухне и воду носить с водопроводной колонки.

За стеной в комнате проживала дочь Микулина от первого брака — Лидия с сыном. Соседство это Морина никак не беспокоило, пока не умер Иван Иванович Микулин и Лидия не узнала, что отец так и не оформил юридически свою часть дома за заводом, хотя неоднократно обращался по этому поводу в нотариальную контору. Но там оформлять документы отказались, поскольку обменивать частные дома на государственную квартиру по закону вообще запрещено.

Показывал тогда Микулин и письмо директора завода. В письме говорилось:

«На Ваше заявление сообщаем, что Вам будет предоставлена благоустроенная квартира с условием, что Вы безвозмездно передадите свою жилплощадь работнику завода, не имеющему жилья».

Предъявлял Иван Иванович и документ, подписанный помощником директора — просьбу к органам милиции прописать семью Морина в этом частном доме, так как

«бывшему рабочему завода Микулину И. И. предоставляется заводское жилье, а его собственный дом передается заводу».

Администрация предприятия понимала, что не все в этой «операции» оформлено, как положено, да не удалось найти другого выхода, чтобы помочь больному человеку не в ущерб интересам завода.

Когда Лидия узнала, что ей, как и сестрам, брату и мачехе, принадлежит по наследству комната-кухня отца, тут же предложила своим родственникам: во-первых, долю их наследства передать ей, а она выплатит им деньгами... Во-вторых, через суд выселить Морина.

Но родственники категорически отвергли оба предложения: в наследственной части дома должен жить Морин и никто другой, то есть как решили на заводе, предоставляя им квартиру.

— Ах так! — воскликнула Лидия Ивановна. — Но я-то свое не уступлю.

Она получила свидетельство о наследовании на одну треть той части дома, в которой спокойно жила семья Морина. Выселить квартирантов у Лидии Ивановны не хватило прав: ведь остальные две трети жилья ей не принадлежали. Тогда она пошла в наступление.

Дважды народный суд Тракторозаводского района Челябинска отказывал ей в иске. Дважды признавал свидетельство о наследовании недействительным. Дважды по ее кассационной жалобе отменялись эти решения областным судом. Наконец дело передали на рассмотрение в народный суд Советского района города.

Измученный хождениями по судам Морин взмолился:

— Оставьте меня в покое. Я выплачу Лидии Ивановне часть ее наследства — 325 рублей. Ведь есть же у нее жилье!

— А что вы хотите? — обратилась судья к остальным наследникам.

— Нам не надо никакого наследства, — в один голос заявили те, — лишь бы Морин остался жить в доме.

Чтобы прекратить это дело и не отвлекать в дальнейшем свидетелей от работы, судья предложила заключить мировое соглашение о том, что частное владение покойного И. И. Микулина передается в натуре всем наследникам, кроме Лидии Ивановны. Те выплачивают ей 325 рублей с условием, что она не будет препятствовать тому, чтобы комната-кухня была подарена Морину.

У всех горе с плеч свалилось. Только лицо Лидии Ивановны покрылось красными пятнами. Прикинув, что больше ничего не выжмешь, а лишь судебные расходы понесешь, подписала и она мировое соглашение. Получила свои триста двадцать пять рублей.

Десять лет живут под одной крышей слесарь Иван Алексеевич Морин и старший экономист Лидия Ивановна. Лишь одна стена отделяет их друг от друга. Напрасно Лидия Ивановна в своих жалобах писала, что эта стена не капитальная.

ЮЛЬКА

В глубине двора затерялся маленький домик. Ставни его закрыты наглухо.

Вот уж, пожалуй, года два не видели соседи раскрытых окон, не слышали песен Юльки. А ведь бывало, с утра до ночи, как колокольчик, звенел голос девочки. Звенел, переливался и вдруг замолк.

Где ты, Юлька? Почему не слышно твоих веселых песен? Кажется, совсем недавно вбегала ты в калитку и радостно кричала:

— А у меня пятерка, а у меня пятерка!

Отец, счастливо улыбаясь, выходил тебе навстречу. Казалось, в такие минуты он даже ростом становился выше.

И ты, Юлька, захлебываясь рассказывала ему, как отвечала урок и как учительница при всем классе сказала:

— Молодец, Юля, умница!

— Да умница ты моя! — похвалил тогда тебя папа.

Когда это было? Лучше не спрашивать девочку об этом — опять задрожат от обиды губы. И словно замрет она, думая о чем-то далеком. О чем же, Юлька?

Может, о том, как в первый раз надели на тебя школьную форму и вплели в косы белые капроновые ленты, как из школы ты шла счастливая с родителями и, размахивая портфелем, без конца повторяла, что в вашем классе — самая лучшая учительница?!

В тот вечер твоя тетя, сестра отца, увидев тебя, даже руками всплеснула, а потом торопливо вынула из старого альбома пожелтевший снимок, где она была сфотографирована в твоём возрасте, и долго смотрела то на тебя, то на пожелтевший снимок: ты похожа на нее, как две капли воды.

У бабушки и дедушки ты была любимой внучкой. Посмотри, они совсем состарились. Пойти бы тебе, Юлька, к старикам! Глаза у тебя острые, энергии много. Ты и нитку в иголку вденешь, и пол вымоешь, и воды принесешь.

Но почему перед тобой закрылись двери их дома?

— Мы тут ни при чем! — оправдывается бабка. — Разве не мы ее нянчили, не мы ее лелеяли? Единственным солнышком была она и сыну нашему. Только вот, сказал ему кум, что дочка не его. Ну а коли не его, так и нам зачем она? Не нужна она нам!

— Не нужна! — вторит ей дед.

— Если бы лютый враг сказал, что она — не родная дочь, я бы не поверил, а то ведь кум сказал. Ему врать нет смысла! — рассудил отец Юлии Михаил Григорьевич.

Так захлопнулась перед дочерью дверь отцовского дома. И хотя не оставили в беде девчонку с матерью соседи, можно ли залечить глубокую рану в сердце? Чужие люди им стали родными, а вот родной человек отвернулся.

— Уходи от меня! Я тебе чужой! — крикнул Юльке отец. — Уходи из дому, чтоб я ни тебя, ни твоей матери не видел!

А случилось все после того, как, изрядно выпив и поссорившись с отцом девочки, кум с порога крикнул:

— Не хозяин ты! И не отец! Черт тебя побори!

И, хлопнув дверью, пошел пьяной походкой восвояси.

Всю ночь Михаил Григорьевич не сомкнул глаз, а наутро пошел к куму. Прихватил пол-литра водки. Обрадовался кум — снова можно выпить.

— Скажи мне, Александр, чья Юлька? Скажи, положи руку на сердце.

— Как чья? А разве она не твоя? Мы же с тобой за ней в роддом ходили.

— Но ведь вчера вечером ты сказал, что она не моя. А что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

— Я сказал?! — искренне удивился кум. И, рассердившись, крикнул:

— Да ты что, лиходея, напраслину на меня возводишь?

С тех пор, как выгнал Михаил Григорьевич жену и дочь и закрыл ставни, прошло немало времени. Идет на работу или с работы — одна мысль его гложет: «А вдруг Юлька родная мне? Ведь на мою родню похожа...» С этими мыслями он ложился спать и вставал. Затопил печь — ладно, не затопил — тоже ничего. Осунулся, похудел, сторбился.

— Ты что переживаешь? — стали говорить ему сослуживцы. — Подай заявление в суд — там разберутся, наврал твой кум или правду сказал. Выгнать счастье из дома — большого ума не требуется. Попробуй вернуть его обратно. Жена у тебя хорошая, дочь еще лучше.

...Когда за клевету судили кума, он бил себя в грудь: «Поверьте, люди добрые, сказал я все спьяна. И сам не знаю, что сказал. Но зла не хотел сделать. Не подумал, что Михаил так близко примет к сердцу мои слова».

Сболтнул человек напраслину, но до сих пор обходит свой отчий дом Юлька.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕХАЛ СОЛДАТ ДОМОЙ (3)
ОДНА НА КАЧЕЛЯХ (7)
ИСК НЕ ПО АДРЕСУ (14)
ОТЦОВСКИЙ ПОДАРОК (19)
ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ (27)
МАЧЕХА (33)
ПОДЛЮСТЬ (36)
ТРАГЕДИЯ В ДОМЕ № 49 (39)
ПЕРЕД СУДОМ (45)
ЛАНКА (50)
СЕДАЯ ПРЯДЬ (57)
«ПРИЛЕТАЙ СКОРОСТЬЮ ЗВУКА» (62)
НА ШИРОКУЮ НОГУ (67)
КАПИТАЛЬНАЯ СТЕНА (70)
ЮЛЬКА (74)

ЕЛЕНА ИОСИФОВНА СЕЛИВАНОВА
ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

Редактор *Г. О. Абрамович*
Худож. редактор *Я. Н. Мельник*
Техн. редактор *О. Я. Понятовская*
Корректоры *С. М. Кадошников* и *С. А. Кулакова*
ИБ 448

Сдано в набор 21.09.77 г. Подписано к печати 28.11.77 г. ФБ00163. Формат бумаги 70X100/32 — 2,5 физ. п. л., 3,25 усл. п. л., 3,01 уч.-изд. л. Тираж 5 000 экз. Бумага № 2.

Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Областная типография Челяб. обл. управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Челябинск, ул. Творческая, 127. Заказ № 4032. Цена 10 коп.

Селиванова Е.

Встать, суд идет! Челябинск, Юж.-Уральское кн. изд-во, 1977. 77 с.